

18+

Селена Амен

Эффект

Ростера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Элита Нью-Йорка

Селина Аллен
Эффект Фостера

«Автор»

2023

Аллен С.

Эффект Фостера / С. Аллен — «Автор», 2023 — (Элита Нью-Йорка)

Розовое платье, холодный взгляд и прямая осанка, Барбара Эванс олицетворяла собой все то, что я так ненавидел в этом мире, но вместе с тем, вызывала во мне сильнейший интерес. Наши семьи были связаны одним бизнесом. Мы росли вместе и я обжигался после каждого нашего взаимодействия, ведь она была жестоким маленьким манипулятором, принцессой, к которой мне не разрешали приближаться, но я любил вызовы. От этого соблазна невозможно было устоять, тем более когда Барби перестала быть ребенком и начала встречаться с моим младшим братом. Первая часть диалогии.

© Аллен С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Селина Аллен

Эффект Фостера

Глава 1

Барбара

Белая хлопковая ткань коснулась моих голых плеч. Я медленно запахла края рубашки и принялась застегивать маленькие перламутровые пуговицы. Над этой рубашкой я работала две недели – небольшой срок, но если учесть, что я днями и ночами пропадала за швейной машинкой, то получается достаточно.

Я обернулась. Она прекрасно села, а выглядела еще лучше: рукава фонарики с узкими манжетами, объемный фасон, белая полоска итальянского кружева тянулась от линии плеча вдоль талии и до края рубашки, где заканчивалась поперечной строчкой. Воротнички с нашитыми на них металлическими закругленными уголками и...

Что за черт? Почему один рукав короче?!

Я стала лихорадочно вытягивать рукав, надеясь, что это просто недоразумение, но нет! Правый рукав был короче левого примерно на сантиметр.

Я бросилась к своему альбому с эскизами и чертежами и принялась искать рубашку.

Эта вещь должна была стать моим триумфом, но пока от нее сквозило непрофессионализмом и кривыми руками!

Я перелистывала страницы, не беспокоясь о том, что некоторые чертежи просто выпадали из альбома. Когда мои глаза нашли тот самый эскиз, я принялась внимательно изучать его. Все было идеально, никакой асимметрии появиться не должно было. Выкройки у меня не осталось разве что части бумаги, которыми я обклеивала портновский манекен.

Я подбежала к шкафу, где прятала Лу – так я назвала манекен – вытянула его на середину гардеробной, в которой все это время находилась и принялась внимательно осматривать детали. Только через пару минут я нашла ошибку, я забыла учесть кружевную полоску, именно она виновата в том, что рукава моей рубашки получились ассиметричными.

Застонав, я откинула альбом, толкнула Лу и упала на пол. Манекен упал рядом со мной, вместе мы смотрели в потолок усеянный маленькими софитами и недоумевали, почему я такая невнимательная.

С белой завистью я смотрела на девчонок с курса, которые давно создавали одежду. У меня же вечно возникали проблемы с этим делом. Я занималась на курсах дизайна одежды уже год – гораздо меньше, чем другие, но именно я посвящала этому делу все свое свободное от учебы время. Я задвинула парня и подруг на задний план и пропадала в своем тайном уголке сутками, ведь так хотела поскорее прийти к тому, о чем мечтала не один год. Но это был очередной провал. Времени переделывать рубашку у меня нет. В понедельник мне нужно презентовать ее перед курсом.

– Барбара! Мейсон приехал, – послышался крик отца с первого этажа.

Черт!

Я стянула с себя бракованную рубашку и натянула новенький белый топ от «Кельвин Клайн». Сверху накинула джинсовую куртку.

Я еще раз покрутилась перед зеркалом, в последний раз оглядывая свой образ, а после хлопнула двери в гардеробную, схватила с кровати сумку с вещами и побежала на первый этаж, где меня ждал Мейсон.

Мой взгляд скользнул по синему поло, тонкой серой куртке и голубым джинсам, которые потрясая сидели на его бедрах. Мейсон одевался стильно, гораздо лучше остальных парней

из старшей школы. Он был выше меня на голову, обладал подтянутым, спортивным телом и природными харизмой и обаянием. Сегодня он зачесал свои темные волосы гелем назад, так, что походил на одного из ребят Лиги Плюща¹, на губах его замерла широкая улыбка и, клянусь, в этот самый момент я поняла, как мне повезло с парнем.

Думаете, я обращаю внимание только на внешнюю оболочку? Это вовсе не так, ведь его внешность составляла всего пять процентов от общей невероятности. Его имя – синоним словам забота и внимание. Мейсон был влюблен в меня и что самое главное, он не стыдился показывать это.

– В этот раз ровно три минуты, детка, – сообщил он, кивая на свои наручные часы. – В прошлый раз я ждал тебя двадцать.

Я улыбнулась, сморщив нос, и медленно подошла к своему парню. Его глаза жадно впитывали каждую мою улыбку, каждую эмоцию на лице, каждый мой вдох. И от этого ощущения полного обожания, которое я чувствовала даже своей кожей, кружилась голова. В груди возникла сильнейшая потребность утонуть в его объятиях, ощутить ту безопасность и надежность, которые он мне давал.

Раньше я вообще не воспринимала Мейсона как парня. Мы с ним были одноклассниками, он старше меня всего на четыре месяца, сидели на соседних горшках, поэтому он был мне кем-то вроде брата, лучшим другом, на которого я могла положиться. Но Мейсон как-то признался, что был влюблен в меня с самого детства, однако действовать решил совсем недавно. Потребовалось время, чтобы я смогла рассмотреть в нем кого-то большего.

Мейсон забрал из моих рук сумку, закинул ее ремешок на свое плечо, а после опустил теплые руки на мою талию и притянул меня к себе, а я нежно обвила руками его шею.

– Ну да, я долго собираюсь, что с того?

– Нет, я не с претензией, – поспешно выдал он, заправляя светлый локон волос за мое ухо. – Я готов ждать тебя вечность.

Услышав эти слова, я улыбнулась сильнее и покрылась мурашками. Он вкладывал особый смысл в это, тот, что понимали только мы.

Мы с Мейсоном встречались уже полгода, и оба ждали момента, когда сможем перейти на новый уровень наших отношений, ведь я все еще была девственницей.

Расти под присмотром консервативного отца, который хотел видеть меня благочестивой христианкой – не просто. Но отчасти я разделяла эту идеологию.

Конечно, мне, как и любой девушке моего возраста, нравилось встречаться с парнями, но никому из них я никогда не позволяла лишнего, ведь была верна своим принципам и воспитанию. Но другие парни не считали мои принципы чем-то важным и стоящим. Мальчики, которым я отказывала в близости бесились и, как бы это ни было парадоксально, называли меня либо ханжой, либо шлюхой. В какой-то момент я даже разочаровалась в мальчиках своего возраста.

Мейсон был исключением, он относился ко мне с уважением, принимал меня и мои правила, никогда не давил и не пытался манипулировать мной.

Мой парень играл на позиции центрального аутфилдера² в бейсбольной команде школы Раунд Лейк, обладал внешней привлекательностью, и – вишенка на торте – происходил из богатой и уважаемой в целом штате семьи, что по определению делало его самым популярным парнем в школе и лакомым кусочком даже для девчонок из колледжа. Каждая красавица старшей школы считала своим долгом похвалить его потрясающую игру, сильные руки и сек-

¹ Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США, отличающихся высоким качеством образования.

² Аутфилдер (Outfielder) – в бейсболе позиция оборонительной команды. Аутфилдер занимает место за пределами бейсбольного квадрата при игре в обороне, а также участвует в роли отбивающего, когда команда находится в атаке. В основном составе команды на поле присутствует три аутфилдера: левый, центральный и правый.

сапильную задницу. И я могла бы ревновать, но Мейсон говорил, что внимание фанаток не входило в список того, что необходимо ему как воздух. В этом списке было всего три вещи: семья, бейсбол и я.

Я знала, как сильно Мейсон хочет перевести наши отношения на новый этап, и сама хотела этого не меньше, но тянула с этим все шесть месяцев. Сегодня, я собиралась, наконец, все исправить.

Я обхватила рукой его затылок и соединила наши губы в поцелуе. Мои легкие моментально наполнил аромат его тела и геля для душа: совсем легкий и такой совершенно чарующий, как ранняя весна, свежая трава и утренний еловый лес. Его язык легко и трепетно проскользнул в мой рот, соединяясь там с моим языком, заставляя меня заурчать от нежности, что Мейсон дарил мне и сильнее сжать пальцами его крепкие плечи. Его руки гладили мою талию, плавно опускаясь ниже, к поясу свободных джинсов на мне.

– Мейсон, – послышался стальной голос моего отца. Мейсон моментально разорвал поцелуй, отошел от меня на два шага и выпрямился во весь рост, словно его током поразило. Я прикусила губу, чтобы не засмеяться.

– Мистер Эванс? – вытирая рот тыльной стороной ладони, отозвался он.

– В моем доме держи руки при себе, – сощутив глаза, выдал отец. – Впрочем, и вне его тоже.

Это не было типичным тронешь-мою-дочь-отстрелю-тебе-яйца-дружок, папа любил Мейсона, как собственного сына, ведь наши семьи давно дружили, а отцы и вовсе ладили, словно родные братья.

– Да, сэр. Мы, пожалуй, пойдем, родители ждут.

Отец кивнул.

– Хорошего вечера.

Мейсон взял меня за руку и повел к своей «Феррари Портофино» с откидным верхом, что стояла на подъездной дорожке особняка Эвансов.

Поместье моей семьи находилось в Ист-Бенч – районе города Солт-Лейк-Сити. Двухэтажный особняк с видом на поля и горы располагался вдали от городской суеты. Дом достался отцу от моих покойных бабушки и дедушки, а переехал он сюда сразу после того, как женился на моей маме. Дом выглядел величественно и богато, отец любил роскошь, а престиж входил в состав воздуха, которым он предпочитал дышать.

– Твои родители дома? Ты же говорил, что их не будет, – сказала я, вспоминая о словах Мейсон. Я думала они уедут, и мы останемся в доме Фостеров вдвоем на всю ночь.

– Их не будет после ужина, у отца вечером рейс в Бойсе, а маму попросили выйти в ночную смену.

Водрузив большие солнцезащитные очки на переносицу, я села в машину. Мейсон занял место водителя, двигатель зарычал, и машина тронулась с места.

Апрель настиг нас буквально две недели назад, и уже был безумно жарким, гораздо теплее, чем в прошлом году. Ветер трепал мои светлые завитки волос, заставляя их разлетаться в разные стороны, солнце припекало макушку.

Дом Фостеров располагался южнее, в километре от нашего дома, в детстве я преодолевала это расстояние на велосипеде за пять минут. Забавно, что два дома находились по соседству друг с другом, если учесть что предыдущее поколение Фостеров и Эвансов враждовало.

– Если отец узнает, что Джемма будет на работе всю ночь, то непременно взбесится.

– Барбара, тебе скоро восемнадцать, ты не должна бояться своего отца, – сказал Мейсон, не отрывая взгляда от дороги.

– Кто бы говорил? Не ты только что отлетел от меня, словно тебе губы утюгом прижгли?

– Это другое, ты его единственная и любимая дочь, я всего лишь сын его друга.

– И любимый парень его дочери, – напомнила я. После этих слов Мейсон улыбнулся и накрыл правой рукой мое колено.

Через минуту мы были на месте. Подъездная дорожка особняка Фостеров была выложена из крупных темно-серых гранитных плит. Вдоль стен дома цвели богатые кусты желтых и оранжевых азалий. На заднем дворе их участка располагался огромный бассейн – мое любимое место в этом доме, между прочим, ведь в доме Эвансов бассейна отродясь не было. Мой дедушка считал это глупым, ведь мы находились на берегу озера, в котором, к слову, купаться запрещено.

Особняк Фостеров отличался от нашего. Как по мне, он выглядел мрачным, а все из-за преобладающей в декоре темной палитры. Двухэтажное поместье совмещало в себе центральную часть, правое крыло и левое крыло. Поместье Фостеров принадлежало еще дедушке Мейсона, а позже перешло его отцу по наследству.

С самого раннего детства я проводила здесь много времени, будь то прием Фостеров или обычный день в компании Мейсона. Я знала каждый уголок дома и каждую комнату, как свою собственную. Поэтому когда мы зашли в дом, я сразу направилась на кухню. Семья Фостеров как раз собиралась ужинать.

– Барбара, здравствуй, красавица, – пропела Джемма – мама Мейсона.

Она вышла из-за стола и обняла меня, словно я тоже была ее дочерью. Я никогда не отказывалась от ее теплых объятий, хоть они и случались по несколько раз в неделю. Джемме было сорок пять лет, однако выглядела она гораздо моложе. Волнистые волосы цвета коньяка едва доставали до ее плеч, карие глаза всегда светились заботой и мягкостью. Сейчас на ней были желтые брюки свободного фасона и белая хлопковая футболка. Джемма всегда любила яркие цвета в одежде, она не боялась их, ведь прекрасно знала, как это идет ее живым глазам.

Джемма и Мейсон были очень похожи внешне. И оба они определенно были моими любимыми членами семейства Фостеров.

Отстранившись, Джемма спросила:

– Голодна?

– Не то слово, – ответила я.

– Садитесь, Робби приготовила потрясающую курицу, – сказал Дэниел – папа Мейсона и глава семейства Фостеров. Неровной походкой он подошел к столу и занял место во главе.

Закатное солнце проникало в окна их просторной кухни-столовой и падало на его седые виски, заставляя их переливаться серебром. В свои пятьдесят лет мистер Фостер выглядел хорошо: высокий и подтянутый, он явно следил за собой. После травмы, которую он получил еще в детстве, Дэниел прихрамывал, однако эта хромота придавала ему особого шарма.

– Отец не говорил о ставке? – спросил он меня, прищуривая свои зеленые глаза.

– О ставке?

– Вчера он здорово проиграл мне в покер.

Я рассмеялась. Папа не обмолвился и словом об этом.

– Отец ни за что не расскажет о поражении. Всегда таким был, только победы по его мнению достойны внимания.

– Да, кажется мне, что это и погубит Эванса, – задумчиво произнес Фостер.

– Дэниел, не будем об этом, у нас ужин, – строго сказала Джемма.

– И то верно.

– Дядя Дэн, а что он поставил? – сгорая от любопытства, спросила я.

Робби подала на стол огромную запеченную курицу с овощами и рис. А также поставила кувшин с апельсиновым соком. Дэниел поблагодарил кухарку и принялся нарезать курицу.

– Оливер поставил Рейджа, – не глядя на меня, сказал он.

– Рейджа? – удивилась я.

Рейджи³, как я называла его, до определенного времени был любимым отцовским жеребцом. Статный конь чистокровной английской скаковой породы отличался мощным телом, тонкой кожей и стальными мускулами. Был полностью черного цвета и с густой гривой. Конь стоил больших денег, однако так и не смог оправдать ожиданий отца. Дикий Рейдж с трудом поддавался тренировкам и обучению, никому не удавалось укротить его.

В следующем году коню исполнится два года, а значит, он будет допущен до скачек. Однако все это спотыкается о его совершенно неукротимый нрав и необузданную ярость. Видимо, отец разочаровался в нем и признал бесполезным, раз решил поставить на кон в игре.

– Но зачем вам нужен Рейджи, если он ни на что не годен? – спросила я.

– Я сам попробую его укротить, и мы с твоим отцом поспорили на пятьдесят тысяч долларов. Он считает, что у меня ничего не выйдет, я же верю, что смогу найти к нему подход. – И я была согласна со своим отцом. Рейджи на то и *rage* – чистая черная ярость, он совершенно не поддавался воспитанию.

На некоторое время разговоры стихли, в столовой были слышны лишь звуки жевания и звон посуды.

– Через полчаса мне нужно выезжать в аэропорт, – сообщил Дэниел, отставляя в сторону пустую тарелку. Мистер Фостер собирался проведать свою кухню, которая проживала в Бойсе, и в последнее время имела проблемы со здоровьем, которые не позволяли ей выезжать из города.

– Мне тоже уже пора собираться, – сказала Джемма, изящным движением заправляя короткую волнистую прядку за ухо.

Мама Мейсона происходила из знаменитой династии врачей. Ее папа был известным в штате онкологом, а мама всю жизнь проработала медсестрой в больнице Святого Патрика. Джемма пошла по стопам родителей и стала врачом-диагностом. И сегодня ей предстояла ночная смена все в той же больнице Святого Патрика в приемном отделении.

Я потянулась к стакану с апельсиновым соком и сделала маленький глоток.

Скоро родители Мейсона уедут, и дом будет полностью в нашем распоряжении.

– О боже, я так сильно хочу тебя, – донесся посторонний женский голос из холла поместья Фостеров. Все четверо за столом замерли, прислушиваясь. С большим трудом я протолкнула глоток сока, который стал размером с самый настоящий апельсин, дальше своего горла.

Лицо Джеммы в этот момент нужно было видеть, воссоздать такую гримасу одновременного удивления и полного недоумения больше не получится.

Послышались шаги и звук расстегивающейся ширинки.

Даже не оборачиваясь, я уже знала, кто это мог быть. На подобную феерию способен только один человек. Совершенно беспринципный, бессовестный и, родившийся без способности чувствовать стыд.

– Я не могу больше ждать, эта дорога была такой выматывающей, – прокатился второй тонкий женский голосок по кухне.

Две девушки. В холле поместья Фостеров две девушки.

Да он из ума выжил.

Помните, я говорила, что воссоздать такую гримасу, какая отразилась на лице Джеммы ранее просто невозможно? Что ж, я ошибалась. Сейчас к этим эмоциям добавилось еще и отвращение.

Мейсон кашлянул в кулак, пряча смешок. Мне вдруг стало стыдно, будто одной из этих девушек была я. И только Дэниел был полностью невозмутим, словно такое в его доме происходило каждую мать его пятницу.

³ Rage (с англ.) – ярость.

На кухню ввалились трое – брюнетка в одном красном бюстгальтере и облепивших ее фигуру джинсах, рыжеволосая бестия с фигурой модели нижнего белья, слава господу, еще одетая, и четвертый из семейства Фостеров.

Они целовались друг с другом с громкими влажными звуками, явно не замечая нас. И когда брюнетка, покусывая мускулистое плечо парня, решила перейти к главному и запустила руку в его расстегнутые джинсы, Джемма выронила вилку, та с громким звоном ударилась о тарелку, прерывая намечавшуюся сцену «для всех кому за восемнадцать» у кухонного гарнитура.

Он резко вскинул голову. Зеленые глаза с легким прищуром, как у его отца, прошлись по каждому за столом и на секунду задержались на мне. Его русые волосы, с выгоревшими на солнце прядями, были растрепаны и торчали в разные стороны. Широкие плечи, покрытые белой тканью футболки, поднимались и опускались от тяжелого, возбужденного, дыхания.

Я нервно сглотнула, ведь никогда не могла выносить его прямого взгляда.

Брюнетка взвизгнула, замечая свидетелей ее распутного поведения, и выбежала в холл, полагаю, искать свою футболку или спасения от праведного гнева Джеммы, которая в этот момент силой нажатия легко могла раздавить стакан из настоящего хрусталя.

Как там говорится? В каждом стаде есть своя паршивая овца? Абсолютно верное заявление, только в этом случае мы имели дело не с обычной паршивой овцой.

Тот самый неукротимый и совершенно необузданный дикарь, внебрачный сын Дэниела, единокровный старший брат Мейсона – Джефри Мэрилин Фостер.

Глава 2

Барбара

Джеффри Мэрилин Фостер.

Думаете, его убогое имечко было придумано фанаткой Мэрилин Монро? Возможно, его мама любила фильмы с кокетливой блондинкой и, произведя на свет светловолосого мальчика, нарекла его прекрасным вторым именем? Так вот, Монро здесь не при чем. Свое второе имя Джеффри получил в честь другого Мэрилина. Того, что поет грубые песни, выглядит как пугало, носит черное и не снимает демонические контактные линзы. Джеффри был назван в честь Мэрилина Мэнсона⁴.

Дорис – мама Джеффри не раз рассказывала о том, как однажды повстречала Мэрилина в одном из лучших казино Лас-Вегаса. Они кувыркались всю ночь, после которой Мэрилин исчез, оставив Дорис десять тысяч долларов. По словам мамы Джеффри Мэнсон был лучшим мужчиной в ее жизни, он не только подарил ей ночь полную удовольствия, но и заплатил за это, хотя Дорис вовсе не была из тех, кто оказывал услуги сексуального характера за деньги.

Джеффри не был сыном Мэнсона, ведь родился только через три года после встречи его матери с известным певцом, а даже слонихи не вынашивают детенышей так долго.

– Не думал, что дома кто-то есть, – вызывающе застегивая свои джинсы, бросил Джеффри.

Не думал он, как же. Уверенность, которую он излучал, кричала о том, что он не просто знал об этом ужине, а нагло воспользовался моментом, чтобы в очередной раз подпортить всем настроение. Он смотрел на отца, медленно, походкой негодного мальчишки, которому плевать на все и на всех, приближаясь к столу. Белая свободная футболка на нем была немного помята, на шее я заметила серебристого цвета цепочку.

Я часто замечала у него эту цепочку, однако никогда не видела, что же там висит на ней. Мне было до ужаса интересно узнать, но она была такой длинной, что легко пряталась под тканью его футболки.

Может там крест антихриста? Было бы весьма символично.

Этот Фостер в отличие ото всех других представителей мужского пола был еще и божьим творением в теле простого человека. Он излучал ауру высокомерного превосходства и полной непоколебимой уверенности в себе и своих силах. Таких парней замечаешь сразу, и ведь ему совершенно ничего не нужно было говорить, чтобы все понимали: этот человек – вожак стаи. Кстати об этом, при всей внешней привлекательности и ленивой – как я называла ее – харизме, Джеффри Фостер был немногословен. Он не из тех парней, что трепались без умолку, нахваливая себя и превознося богатства семьи, в которой им повезло родиться. Я ни разу не слышала от Джеффри подобного. И именно эта молчаливость наделяла его особой магнетической загадочностью.

И девушки покупались на этот образ, садились на липкую ленту, словно мухи, рискуя остаться навсегда приклеенными к человеку, который даже не оценил бы этого благоговения. Ведь – еще один факт о Джеффри – он не был тщеславен. Возможно к своему двадцати одному году, он просто перенасытился женским вниманием, а может еще не встретил ту, в чьих глазах видел бы восхищение им и действительно ценил это. Пока ему было плевать на все эти женские сердца, оставшиеся в руинах из-за него. Он как Рейджи – действительно был жеребцом, который обожал свободу и не позволял себя укротить.

⁴ Брайан Хью Уорнер (Brian Hugh Warner) – американский рок-певец и композитор, известный под псевдонимом Мэрилин Мэнсон.

Влияние, которое он оказывал на противоположный пол, я называла «Эффект Фостера». Девушка изначально понимала, что Фостер плохой вариант, сразу знала, что он разобьет ее сердце, но все равно решалась пойти на это. Ведь какая-то невидимая сила влекла ее к нему.

– Как видишь, братец, ты только что испортил великолепный ужин, – усмехнулся Мейсон, располагая руку позади моей спины на спинке стула.

От Джеффри не укрылось это маленькое движение. Он задержался взглядом на руке Мейсона за моей спиной ровно на секунду, а затем мгновенно потерял к этому интерес.

Я обернулась, останавливая взгляд на брюнетке, которая, уже одетая, стояла рядом с рыжей. Они обе показались мне очень знакомыми. Когда рыжеволосая прикусила полную губу, я заметила небольшую родинку возле ее носа и моментально вспомнила ее. Она местная, ходила в нашу школу, а сейчас училась в том же университете, что и Джеффри, играла на скрипке в оркестре и звали ее Тина.

– Дейзи, а твои родители знают, чем ты занимаешься? – строго спросила Джемма.

Теперь я вспомнила и вторую девушку. Выше меня на голову, с голубыми глазами, курносый носом и пухлыми губами, а звали ее Дейзи Макленнон. Она так же, как и Тина была местной, ходила в нашу школу, а сейчас была первокурсницей в Университете долины Юта. Чирлидер, увлекается танцами. По крайней мере, так было, когда она училась в нашей школе. Дейзи была всего на год старше меня, однако за все время учебы в Раунд Лейк, мы ни разу не заговорили.

– Мне скоро нужно быть в больнице, как прикажешь мне смотреть твоему отцу в глаза после того, что я наблюдала здесь? – продолжала сокрушаться Джемма. Отец Дейзи был хирургом-ортопедом, и работал в одной с Джеммой больнице, я знаю это, потому что три года назад, когда мой папа сломал руку, мистер Макленнон давал свое экспертное мнение по части операции. Стоит сказать, что операция тогда не понадобилась. Удалось обойтись без хирургического вмешательства.

– Миссис Фостер... – промямлила брюнетка, видимо, намереваясь упрасивать Джемму, не рассказывать об этом случае ее отцу. Мистер Макленнон казался суровым и консервативным мужчиной, сомневаюсь, что он обрадуется, если узнает об этом случае.

– Довольно, – как-то устало проговорила Джемма. – Вынуждена попросить вас обеих покинуть этот дом.

Переглянувшись, Тина и Дейзи медленно поплелись к выходу из кухни. Напряженное молчание между всеми нами сохранялось до момента, пока девушки не пропали из виду. Мне вдруг захотелось улыбнуться, ведь только что Джемма обломила Фостеру ночь секса втроем. Вот почему я была фанаткой мамы Мейсона.

Джеффри не выглядел расстроенным. Казалось, что ему вообще все равно. Да и это не удивительно, ведь чтобы собрать коалицию девчонок у своей постели ему достаточно было сделать один звонок.

– Джеффри, я ужасно разочарована, – сжав губы в тонкую линию, сказала Джемма, обращая свой взор на мужа, ожидая от него хоть какой-нибудь реакции. Дэниел лишь склонил голову на бок и спросил:

– Как дела в колледже?

Джемма вспыхнула моментально, словно пожар на сухом поле. Вскочила на ноги и одарила мужа негодующим взглядом.

– Как дела в колледже? И ты ничего не скажешь ему? Твой сын только что приволок двух девиц в дом, чуть не занялся сексом на нашей кухне, испортил ужин, а ты просто спрашиваешь, как у него дела?

– Спокойствие, дорогая, все, что делает Джеффри, не запрещено законом.

Это просто чудовищная несправедливость. К Мейсону его отец был строг, но только не к Джеффри. Как вы уже могли понять, старшему ребенку Фостеров все и всегда сходило с рук.

В семнадцать лет Джеффри без спроса взял машину Дэниела и въехал на ней в сувенирную лавку Лессера. Дэниел сильно постарался замять дело. Происшествие признали несчастным случаем. Страховка покрыла ущерб мистеру Лессеру, а чтобы владелец лавки даже и не думал подавать в суд, Дэниел накинул еще столько же денег сверху.

Фостеру бы радоваться, что его задницу не определили тогда в колонию, но он был мрачнее тучи, казалось, его совсем не заботили последствия. Тогда я окончательно убедилась, что обнаглевший Фостер плевать хотел на правила родительского дома.

Джемму обижало подобное пренебрежение мужа. Она ведь не была для Джеффри мамой и не могла влиять на него так, как мог бы влиять Дэниел. Еще здесь играла ревность. Ведь Мейсон – ее родной сын, совершая проступки, получал нравоучения от отца, а Джеффри и не знал, что такое отцовский гнев.

– Делай, что пожелаешь, я поеду на работу, – не глядя на мужа, бросила Джемма.

– У тебя же еще есть время, – сказал Дэниел, неуклюже поднимаясь со своего места, чтобы схватить супругу за руку, но Джемма не позволила ему сделать этого.

– Больше нет, – сказала она и ушла.

Джеффри обошел своего отца, находящегося в задумчивости, и опустился на соседний со мной стул. Терпкий запах табака, жженого сахара, сухой древесины и лайма заполнил собою все пространство, моментально заставляя меня оторопеть до самых костей.

Так всегда происходило.

Джеффри был старше меня и Мейсона на четыре года, и, конечно, с ним мне приходилось сталкиваться все свое детство. Стоило ему появиться поблизости, как я задыхалась от столь тяжелой энергии, которая исходила от этого человека. Я боялась Фостера, ведь он не упускал возможности как-либо поиздеваться надо мной.

Картинки прошлого закрутились в моей голове. Мне одиннадцать, папа подарил мне велосипед на двух колесах. Велосипед был розовым, словно клубничная помадка, по бокам руля было много коротких переливающихся ленточек, которые развевались на ветру, большой металлический звонок блестел на солнце, и вызывал зависть у девочек из соседних домов. Это была новая модель, только сошедшая с конвейера. Папа смог заполучить велосипед до начала официальных продаж, такого ни у кого еще не было. Я каталась на этом велосипеде целый день, звонила в крутой звонок не переставая, стала забывать про занятия верховой ездой, про школу, про все, что в том возрасте беспокоило мое маленькое сердце.

Мало кто знал, что для меня это была не просто игрушка. Когда мама была примерно моего возраста, у нее был похожий велосипед. Даже фотография, где она сидит верхом на этом велосипеде, осталась. Мне казалось, что это делает меня еще сильнее похожей на нее, а также в каком-то смысле связывает нас.

В один из дней я оставила велосипед нас стоянке у школы, а сама пошла на занятия. Когда я вышла, не узнала свой новенький велосипед. Он был окрашен из баллончика в черный, ленточки были вырваны, а рядом стоял Джеффри, который пытался оторвать сверкающий звонок. Я была так расстроена, что мгновенно расплакалась. Джеффри заметил меня и отошел от велосипеда, в его глазах была одна сплошная пустота и безразличие, а в его руках я заметила велосипедный звонок, разобранный на несколько частей и погнутый так, что собрать его назад нельзя было.

Слезы текли по моему лицу, а Фостер просто смотрел на меня, не произнося ни слова. Я не могла думать ни о чем, кроме как поскорее вернуться домой. Подошла к этому черному пятну и села на него, и только потом поняла, что краска была совсем свежей. Мои руки, мои серые брючки и белая футболка с кружевными рукавами, мои длинные светлые волосы – все было испачкано черной краской. Я не помню, как добралась домой, но хорошо помню, как проплакала все выходные.

Мускулистое плечо Джеффри коснулось моей руки, вырывая меня из детских воспоминаний. Я почувствовала тепло его кожи, даже сквозь ткань моего топа и его футболки, но не сдвинулась ни на сантиметр. Ведь тогда Фостер решил бы, что может хоть немного смутить меня, а я не собиралась позволять ему почувствовать эту власть.

Дэниел, наконец, избавился от странного минутного оцепенения и, прихрамывая, вышел из столовой на поиски Джеммы.

– У вас есть лимонная кислота? – спросила я, морща нос.

Джеффри совершенно беспардонно взял мой стакан, наполненный апельсиновым соком, и поднес его ко рту, часы на его запястье на секунду позволили солнечному зайчику ослепить меня.

Интересно, его совсем не волновало, что буквально минуту назад этого стакана касались мои губы? Это негигиенично вроде как.

– Что такое, детка? В салате недостаточно кислоты? – заботливо спросил Мейсон, что сидел по другую сторону от меня. На слове детка я услышала странное фырканье от первобытного человека слева от меня.

– Ее недостаточно в моих глазах. Я хочу выжечь их, после всего, что только что увидела здесь.

Подбородок Джеффри чуть выдвинулся вперед, и теперь я хотя бы понимала, что он чем-то недоволен. Поверьте мне, я знакома с ним практически всю свою жизнь, этот индюк просто не бывает доволен, улыбку из него не вытянешь, как и нормальных слов, что не звучали бы как оскорбление или насмешка.

Его ноги наглым образом раскинулись в стороны под столом, и крепкое бедро прижалось к моему бедру, отчего я вздрогнула.

– Это то, чем взрослые занимаются за закрытыми дверями, – равнодушным голосом ответил Джеффри.

Все эти грубые нарушения моего личного пространства не были чем-то вроде флирта. Фостер просто всегда делал только то, что удобно ему – эгоист до кончиков своих светлых волос, и в данный момент ему было удобно развалиться на стуле, не волнуясь о тех, кто сидел с ним по соседству.

– Вот именно, за *закрытыми*, в твоей большой голове явно недостает мозгов, раз ты не замечаешь такой очевидный факт, как отсутствие двери в этой кухне, – запрятав подальше страх, сказала я, а затем встала со своего места, ведь жар его тела совершенно странным образом угрожал расплавить мои внутренности.

Я резким движением задвинула стул и отошла к арочному выходу из столовой. Отвращение, раздражение и предчувствие чего-то нехорошего поглощали меня, как бывало это всегда в присутствии Джеффри.

– Впредь, пользуйся только теми помещениями, где есть дверь, а если не знаешь, как она выглядит, то просто заугли, – посоветовала я. – Буду наверху, Мейсон.

Мейсон кивнул и о чем-то заговорил с Джеффри.

Я остановила свой взгляд на лице старшего Фостера, и была удивлена, заметив, что вместо того, чтобы смотреть на своего брата, он смотрел на меня. Заглядывая в зеленые глаза, я ожидала увидеть лишь безразличие, с которым этот человек был неразлучен с самого детства. Однако в этот раз в его глазах вспыхнуло нечто иное – смертоносное и темное. Но, так и не сумев понять, что это было, я поспешила уйти, оставляя братьев на кухне одних.

Глава 3

Барбара

– Что он здесь делает? – сокрушалась я, когда Мейсон вернулся в свою комнату, где я прождала его около получаса.

– Он здесь живет.

Мейсон лежал на огромной двуспальной кровати. Комната младшего Фостера была огромной: на полу мягкий серый ковролин, стены комнаты были выкрашены в белый с легким напылением перламутра. Два сводчатых окна с белыми рамами и западное расположение обеспечивали помещению огромное количество солнечного света во второй половине дня и на закате. В углу стоял деревянный рабочий стол, рядом располагался стеллаж, заставленный огромным количеством наград и бейсбольных трофеев: перчатки, мячики, медали, кубки и даже бейсбольная бита с автографом Майка Траута⁵.

Мейсон обожал бейсбол с самого детства, игра, превратившаяся в страсть его жизни уже была своего рода проводником в любой колледж страны, а там стипендия и команда по бейсболу первого дивизиона⁶, ведь боссы бейсбола по достоинству оценили игру Мейсона, поэтому давно подсылали к нему своих рекрутеров.

Мой парень разрывался между Университетом Бригама Янга в Прово, что буквально в часе езды от Солт-Лейк-Сити, и Университетом Флориды. Сильнее всего он хотел во Флориду, ведь там одна из сильнейших команд первого дивизиона по бейсболу. Однако все понимали, что Мейсон выберет Прово и их серьезную школу бизнеса, путь Мейсона, как и мой, был выстроен еще задолго до его рождения и бейсбол в эти планы не входил.

– Но сейчас пятница, разве он не должен быть на учебе? – спросила я.

– Ну, приехал и приехал, какое тебе дело?

Мой милый Мейсон не замечал демонической сущности своего брата, либо замечал, но, как и их отец, игнорировал это. А все потому, что Мейсон обожал Джеффри. Как только Джеф появился в этом доме, Мейсон стал бегать за ним хвостиком. Он прислушивался к Джеффри и никогда не испытывал к нему ненависти или злости.

Погодите. Мне кажется, или Мейсон ничуть не удивлен появлением брата?

– Ты знал, что он приедет! Почему ты не сказал об этом мне?

– Тогда ты не осталась бы ночевать.

– Конечно, я не осталась бы, ведь твой брат нечисть, которая только и думает, как навредить мне, – зарычала я, а затем упала на кровать рядом с моим парнем.

Я вспомнила случай, как Джеффри склеил все мои учебники в школьном шкафчике. Пришлось купить новые.

Джеффри учился последний год в Университете долины Юта. Так как учебное заведение находилось буквально в соседнем городе, Фостер иногда приезжал на выходные. Обычно, это происходило в субботу. То есть прибыть он должен был завтра, когда я уже ушла бы из дома Фостеров, но индюку просто необходимо было испортить мои планы.

Между нами всегда были натянутые отношения, хотя натянутые это мягко сказано, я не раз представляла, как накидываю на его шею веревку, привязываю другой конец к седлу Рейджи и пускаю его высвободить всю свою черную ярость, наблюдая за мучениями Джеффри.

⁵ Майк Траут – американский профессиональный бейсболист, играющий на позиции аутфилдера в клубе Главной бейсбольной лиги «Los Angeles Angels».

⁶ Первый дивизион – самый высокий уровень межвузовского бейсбола. Входит в Национальную ассоциацию студенческого спорта (NCAA) в Соединенных Штатах Америки.

Поэтому в дни, когда старший брат Мейсона возвращался домой, я оставалась у себя. Гораздо безопаснее было не видеться с ним.

Мейсон перекатился и навис надо мной. Кончиками пальцев он нежно погладил мою шею, а затем убрал рассыпавшиеся на мое лицо локоны волос.

– Это было в детстве, Барбара. Джеффри давно не достает тебя. Что он, в самом деле, может сделать тебе сейчас? Облить из водяного пистолета?

Нет, облить меня из водяного пистолета было детским лепетом, выстрелить три раза в живот из пейнтбольного ружья – вот что было по душе маленькому извергу.

Я очень хотела поиграть с ними в домике на дереве, который располагался на старом дубе за домом Фостеров. Раздалось три выстрела, яркая краска испачкала мой джинсовый костюмчик. Живот свело судорогой от боли. Из окна показалась взъерошенная голова Фостера. Уже дома я заметила, что весь мой живот покрылся синяками.

Мейсон многого не замечал, а может просто предпочитал игнорировать, как я уже говорила. Дни детства давно кончились, Джеффри был взрослым, но это не означало, что он отказался от игрушек, просто игрушки выросли вместе с ним. А это было в сотни раз хуже.

Рука Мейсона скользнула под мой топ и коснулась краешка кружевного белого бюстгалтера. Кожа на моем животе покрылась мурашками, но что-то заставило меня накрыть его руку своей и остановить.

– Еще девиц каких-то с собой притащил.

– Да какое нам дело до Джеффри и его подружек

Действительно! Какое мне дело?

– Никакого, абсолютно никакого, – фыркнула я.

Мейсон огладил пальцами мою скулу. Я почти коснулась его губ своими, почти растворилась в той нежности, что он дарил мне, и почти забыла о недоразумении тире старшем брате Мейсона, как в комнату кто-то вломился.

Я резко вскочила с кровати и перевела испуганный взгляд на дверь.

Посланник сатаны собственной персоной стоял на пороге комнаты.

– Кажется, Джемма не позволяет вам ночевать в одной комнате, – хмуро заметил он. Я выдохнула, понимая, что это не мама Мейсона застала нас. Не то, чтобы она была кем-то вроде полиции нравов, но у нее был свой свод правил и согласно одному из них, в ночи, когда я остаюсь в доме Фостеров, мне предоставлялась гостевая спальня, которая за все эти годы уже стала моей второй комнатой.

Очевидно, что мы всячески нарушали эти правила, как несколько недель назад, когда Мейсон пробрался в гостевую и лег со мной, однако я не позволяла ему чего-то, что осудила бы церковь.

– Кажется, тебя это не касается, – угрожающе сузив глаза, ответила я.

Джеффри проигнорировал мои слова, однако по потемневшему взгляду и дернувшемуся подбородку, я поняла, что мой ответ ему не понравился. Он сложил накаченные руки на своей груди, привлекая к этому действию мое внимание.

– Предки свалили, Молли и ее подруга хотят посмотреть фильм, ты как, Мейсон? – Он спросил только Мейсона, ведь меня при просмотре фильма видеть рядом не хотел.

– Молли и ее подруга? Ты, что же, не запомнил, как зовут вторую девчонку, которую притащил домой? Они же учились в нашей школе! – удивилась я.

Фостер вскинул одну бровь. Взгляд в стиле ты-дура-или-просто-придуриваешься пронзил меня насквозь.

– Я не запомнил, как зовут и первую, но имя Молли подходит им обеим.

Ни одну из них не звали Молли.

Неужели есть девушки, которые позволяют ему обращаться с ними подобным образом?

– погоди, разве Джемма не выгнала их?

– Джемма не приглашала их, чтобы выгонять.

– Барбара, так как насчет фильма? – спросил Мейсон, подходя ко мне сзади и накрывая теплыми руками мои плечи.

Мне хотелось сказать, что с испорченным Фостером я не села бы смотреть и предупредить об урагане по местному телевидению. Но почему-то мне хотелось оттянуть наш с Мейсоном долгожданный момент близости, поэтому я согласилась на фильм.

Впятером мы обосновались в домашнем кинотеатре Фостеров. В маленьком зале располагалось два ряда мягких и комфортабельных модульных диванов. На большом экране шел тупой боевик, который выбрал Мейсон, поэтому я не скрывала того, насколько мне скучно здесь и задумчиво ковыряла темно-синюю бархатную обивку сиденья подо мной.

– Я давно хотела посмотреть этот фильм, – слышался тонкий голосок Дейзи. Я беззвучно усмехнулась. Меня одолели сомнения, что цветочек вроде Дейзи мечтала посмотреть в темном зале фильм с названием вроде «Убей пять человек» или «Три удара ножом», другими словами, фильм, где сюжетная составляющая не особо важна, а упор делается на экшен и шокирующие сцены.

Я сидела почти в самом центре длинного дивана, щекой припав к плечу Мейсона. По другую сторону от меня расположился Джеффри, за ним – любительница боевиков – Дейзи и Тина.

Первые двадцать минут фильма я задавалась вопросом, почему Джеффри решил сесть со мной. Он сидел не близко, но я все равно ощущала его присутствие и странное напряжение, исходящее от его тела. Один раз он коснулся моего бедра, но когда я взглянула на него, поняла, что Джеффри сделал это случайно и даже не придал этому значения. Чего не скажешь обо мне, ведь это мимолетное касание заставило меня нервно дернуться, ожидая от Джефа действий. Ну не знаю, толчка или удара, хотя за все время, что я знакома с ним, Фостер ни разу не ударил меня, и как ни странно, даже не коснулся напрямую.

Вообще он был каким-то странным сегодня, казалось, он совсем не заинтересован в происходящем, не обращал внимания на фильм и на своих подруг. Поэтому я пришла к выводу, что выбор места Джеффри ничем не обусловлен. В очередной раз, он человек, который думает только о себе.

– А я ненавижу подобные фильмы, – фыркнула рыжеволосая. – Может переключить на какую-нибудь мелодраму или комедию?

– Вот еще! Смотреть эти сопли несколько часов? – возмутился Мейсон.

– Это не сопли! – воскликнула Тина.

– Фильмы, которые создаются для того, чтобы заставить тебя плакать, иначе как соплями не назвать, – отозвался Мейсон.

– Барбара, а какие фильмы любишь смотреть ты? – спросила у меня Дейзи, видимо, поставив себе цель, понравиться каждому в этой комнате. Возможно, таким образом она решила завоевать сердце Джеффри, жаль бедняжка не знает, что у нас с ним долгая история взаимной ненависти. А чтобы приблизиться к его сердцу, нужно сначала его отыскать.

После вопроса брюнетки, адресованного мне, Джеффри будто бы выпал из своего оцепенения и лениво перевел свой взгляд на меня.

– Обычно я не смотрю фильмы.

– Совсем?

– Совсем. Вообще я считаю, что есть вещи интереснее, чем просмотр фильмов. – После моих слов старший Фостер вскинул брови. Но черта с два я среагирую на этот жест пассивной агрессии.

– Какие, например? – со сквозящим в голосе любопытством, спросила Тина.

– Например, верховая езда, прогулки на свежем воздухе, и... – изготовление одежды хотела сказать я, но промолчала, ведь никому из присутствующих, даже Мейсону не нужно об этом знать. – И чтение книг, – закончила я, хотя чтение книг терпеть не могла, особенно тех книг, где вместо картинок были графики и статистика.

– Ты читаешь? – с насмешливой улыбкой на больших губах спросила Тина. Дейзи тоже заулыбалась. Подружки Джеффри просто насмеялись надо мной.

– Представьте себе, читаю и даже кое-что оставляю в своей голове.

– Может вы замолчите, и мы досмотрим фильм? – раздраженно выдал старший Фостер, бросая укоризненный взгляд на своих подруг.

Если бы я не знала Фостера, то решила бы, что так он попытался вступить за меня. Но очевидно я видела то, чего нет. Его просто раздражала болтовня.

Мои слова совсем не убедили подруг Джеффри, и следующие десять минут они о чем-то переговаривались, поглядывая в мою сторону. Мне хотелось выставить их за дверь, но, к сожалению, такой властью я не обладала. Джеффри просто скажет, что не я их приглашала, чтобы выгонять.

Я не могла этого выносить, поэтому в момент, когда Дейзи бросила в мою сторону очередной насмешливый взгляд, молча встала и вышла из зала. В коридоре заметила, что Мейсон последовал за мной.

– Детка, ты чего?

– Я с самого начала знала, что проводить время в компании Джеффри и его подруг было плохой затеей.

– Что произошло то? – спросил он, останавливая меня у лестницы. Его руки расположились на моих плечах, и это немного успокоило меня. Я не стала ничего объяснять Мейсону, ведь он все равно не понял бы. Сомневаюсь, что он вообще заметил, что над его девушкой смеялись.

Глава 4

Барбара

Остаток вечера мы потратили, играя в приставку Мейсона в его комнате. Когда я в очередной раз проиграла ему в гонках «Need for Speed» он вдруг повалил меня на кровать и накрыл своим телом. С моих губ сорвался стон, я машинально обхватила его руками и расположила ладони на его спине.

– Я говорил, что фиолетовая машина приносит несчастье, стоило выбрать розовую, – в шутку бросил он. – Хотя я мог поддаться.

– Вот еще, не нужно мне поддаваться, в следующий раз я размажу тебя по стенке!

Мейсон явно не поверил моей угрозе, кивнул, подавляя улыбку, а в следующее мгновение накрыл мои губы своими. Я безропотно прикрыла глаза и поддалась его рту. С тихим стоном я огладила ладонями плечи Мейсона, наслаждаясь крепкими мышцами, которые он получил благодаря упорным тренировкам и бейсболу.

Его язык скользнул между моих губ и встретился с моим языком. Поцелуй начинался как медленный и нежный, но достаточно быстро перерос в дикий и нетерпеливый: Мейсон терзал мои губы, выбивая все дыхание из моих легких. Мы постоянно сталкивались зубами. Я чувствовала, как он твердеет под джинсовой тканью, и врезается между моих разведенных ног, желая поскорее скинуть с нас обоих одежду.

Странное чувство в груди не давало мне насладиться его прикосновениями. Нет, разумеется, я хотела своего парня, я хотела лишиться девственности только с ним, ведь он был дорог мне. Но все было... слишком. Слишком много, слишком быстро и совсем не так, как я представляла. Его губы оставляли грубые поцелуи на моей шее, руки блуждали по моему телу, сжимали талию и грудь до боли. Бедрами он врезался в меня, не принося мне ничего, кроме дискомфорта. Когда его рука поднялась выше и сжала мою шею, а зубы прикусили мою нижнюю губу до боли, я в панике распахнула глаза.

Мое дыхание участилось, но вовсе не от возбуждения, а от того, что он лежал на мне, и я не могла сделать вдоха. Его рука стала пробираться в мои джинсы и это моментально отрезвило меня.

– Мейсон, погоди, – сказала я, мягко отталкивая его от себя и сводя бедра вместе.

Он оторвался от моей шеи, которая от грубых укусов горела пламенем, и уставился на меня глазами полными похоти.

– Что такое, детка? – заботливо спросил он, и это так разлилось с его взглядом.

– Все очень стремительно.

Он непонимающе сдвинул брови к переносице.

– Я что-то делаю не так?

«Все», – хотелось сказать мне.

– Нет, просто я не настроилась, мне нужно время.

Я легла и похлопала рукой перед собой, чтобы он расположился напротив меня. Мейсон послушался. Он все еще не мог восстановить дыхания. Мой взгляд скользнул вниз, замечая внушительный бугорок в районе его ширинки.

К горлу подступил странный комок.

О, нет. Это же не чертов страх?

Я была готова к этому, знала, что рано или поздно это произойдет, но почему-то сейчас на меня напала неуверенность.

Да что со мной такое? Веду себя, как монашка. Я сделаю это сегодня, и никто не помешает мне!

– Я слишком тороплюсь, понял, прости. Просто я мечтаю об этом так давно, что мне едва удается сдерживать себя. Я согласился на тупой фильм с Джеффри, потому что думал расслабить тебя.

– Расслабить меня торчащими кишками из живота копа? – изумилась я. – Если кого-то это расслабляет, то у меня для него плохие новости.

Мейсон задумчиво почесал подбородок.

– Да, это была самая тупая идея, которая только могла возникнуть, – признался он.

Я выдавила из себя улыбку и погладила Мейсона по лицу.

– Давай начнем с малого, я схожу вниз и просто принесу нам чего-нибудь выпить, вина, например. Твоя мама все еще держит парочку вин на кухне или нужно спускаться в кладовую? – спросила я. Обычно мы с Мейсон брали выпивку его родителей, и если это замечалось, спихивали все на Джеффри. А Джеффри никогда не возражал. Кажется, ему действительно нравилось быть засранцем и выводить все семейство на эмоции.

Мейсон перекатился на спину и закинул руки за голову.

– Да, на кухне есть, и мне нравится твоя идея, – кивнул он с маленькой улыбкой на губах.

Но почему мне показалось, будто эта улыбка была вынужденной?

Я вышла из комнаты. Мою шею все еще саднило от неприятных действий моего парня. На Мейсона это совсем не похоже, он всегда старался обращаться со мной как с фарфоровой куклой: бережно и трепетно. Он никогда не был агрессивным и излишне напористым и уж точно никогда не хватал меня за шею.

Коридор второго этажа был пуст, тишина немного пугала меня. Раньше я думала, что в особняке Фостеров водятся привидения. Стены, выкрашенные в темный цвет, навевали на меня страх до сих пор. Босиком, маленькими частыми шажками я поспешила к лестнице. Некоторые половицы скрипели, и от этого неприятного звука все в моей груди переворачивалось. Стоило позвать с собой Мейсона, но мне не хотелось выглядеть ненормальной перед ним.

Проходя мимо спальни Джеффри, я заметила, что там подозрительно тихо. Дверь была приоткрыта, свет выключен. А значит, троица легла спать.

Впервые я молилась богу о чутком сне Фостера. Нет, я серьезно. Спальня Джеффри находилась через стенку от спальни Мейсона, слушать всю ночь как спинка его кровати бьется о стену, в мои планы не входило. Поэтому я выдохнула с облегчением и пошла вниз.

Оказавшись на кухне, я наспех выпила стакан воды и принялась искать вино из личной коллекции Джеммы.

Кухня Фостеров была изготовлена из темного дерева. Кухонный гарнитур огибал комнату почти полностью, а в центре располагался барный островок с золотистого цвета кварцевой столешницей. В некоторых дверцах были стеклянные вставки такого же, как столешница, золотистого цвета. Днем, когда в арочные окна кухни пробирался солнечный свет, золотые стекляшки отражали все солнечные лучики, из-за чего на стенах играли желтые блики.

Окна кухни выходили на огромный бассейн. Полная луна стояла высоко в небе, отбрасывая свой свет на поверхность воды в бассейне.

Я достала штопор и нашла бутылку молодого Шардоне. Поставив ее на стол, я закрыла шкафчик и взяла в руки штопор, но замерла, услышав странный звук, доносившийся из глубины дома.

Это было что-то вроде плача.

Сердце в моей груди остановилось и рухнуло вниз.

Точно стоило позвать с собой Мейсона. Это же не могли быть приведения?

Сжимая в одной руке бутылку, а в другой штопор я тихо, словно мышка, пошла на звук. В большей части дома свет был выключен, и это лишь усиливало во мне страх. Особняк Фостеров был построен давно. Несколько поколений жило в этом поместье, соответственно, темные

стены видели смерти. По крайней мере, дедушки и бабушки Мейсона уже не было в живых, его тетя Сара – родная сестра Дэниела также умерла в этом доме.

Я снова услышала судорожный вскрик. Звук шел из кинозала, где мы смотрели фильм. Это немного успокоило меня, должно быть Фостер просто забыл выключить аппаратуру и ушел со своими подругами в комнату.

Я уверенно двинулась к залу, страх поутих немного, ведь я заметила мигающий свет, и это полностью подтверждало мою теорию. Но по мере приближения звуки становились все громче, к вскрикам добавились странные шлепки и рычание, и когда я остановилась в проходе, из которого было видно весь небольшой кинозал, едва не выронила бутылку с вином из рук.

Это был не плач.

Картина, открывшаяся передо мной, ввела меня в какое-то оцепенение. На одном из диванов, стоя на коленях и упираясь руками в обивку, расположилась Дейзи. Ее волосы, чуть закрученные на кончиках, разметались по спине и плечам.

В зале было темно, и только вспышки света с экрана иногда освещали их силуэты. Дейзи громко стонала, ее грудь подпрыгивала, ведь в этот момент полностью обнаженный Джеффри вбивался в нее сзади. Его большие руки были на ее бедрах. Ее спина была сильно выгнута, ноги широко расставлены, а ягодички бились о пах Фостера. Мышцы перекачивались под его кожей, грудь блестела от пота.

Господи.

Это было совершенно отвратительно, пошлые шлепки их разгоряченных тел, молящие стоны брюнетки и рычание Джеффри должны были вызывать во мне только тошноту, однако я не могла оторвать от них взгляда. Жар коснулся моих щек, а в следующее мгновение опустился к низу моего живота, заставляя меня невольно сжать бедра.

Лишь на секунду я увидела в темноволосой себя. Мой рот приоткрылся, ведь в этот момент мне вдруг стало не хватать воздуха, грудь стала такой тяжелой, что моментально захотелось прижать к ней руку. Я сглотнула, прикусывая нижнюю губу, скользя взглядом по обнаженному Джеффри. До этого я ни разу не видела его таким.

Джеффри с силой шлепнул брюнетку по заднице, намотал ее волосы на кулак и потянул назад, ускоряя свои движения. Я услышала сразу три стоны, один принадлежал Дейзи, а другой Тине, что сидела чуть поодаль и, глядя на парочку, занимающуюся горячим сексом, ласкала себя.

Третий стон был совсем рядом, в моих ушах, потому что он совершенно неожиданно сорвался с моих губ.

Когда я осознала это, мое сердце в панике забилося о ребра. К моей голове приливал жар, стягивая виски железным обручем. Все это происходило за долю секунды, я в страхе окинула взглядом всех троих, но они были так заняты, что не услышали меня. Сжав по сильнее горлышко бутылки в руке, я поспешила убраться.

Я бежала к комнате, не оглядываясь, будто меня преследовал кто-то. Мне казалось, что Джеффри услышит мои шаги и побежит за мной, чтобы уличить в подглядывании. Перед моими глазами все еще стояли картинки обнаженных тел, в ушах остались пошлые звуки секса, женские стоны, тяжелое дыхание...

Боже!

За секунды я добралась до комнаты и, закрыв дверь, привалилась к ней спиной.

– Барбара, ты в порядке? – Услышав неожиданный голос Мейсона, я вздрогнула и прижала к своей груди бутылку с вином и штопор.

– Да, – медленно ответила я, испугано поглядывая на своего парня.

– Где ты пропадала так долго? – спросил он. Видимо, устав ждать, Мейсон сел играть в приставку: на его кровати я заметила игровой джойстик.

Смотрела, как его брат занимается сексом.

- Вино не могла найти. – Я отошла от двери и передала ему в руки бутылку и штопор.
- А где стаканы?
- Стаканы?
- Мы же не будем пить из бутылки?

Я нервно сглотнула, заглядывая в глаза Мейсона. Я все еще чувствовала легкую щекотку в животе, но чем сильнее она спадала, тем быстрее ко мне приходило осознание, что после сегодняшнего вечера, я стану ненавидеть Джеффри еще сильнее. Даже для себя я не могла объяснить то, что произошло минутой ранее, но вспоминая извивающуюся брюнетку и рыжую рядом с ними, мне становилось не по себе.

- Я уже не хочу пить, прости, сильно хочется спать.

Я точно не буду терять девственность, когда в моих мыслях только Джеффри и омерзительная сцена в кинозале.

Брови Мейсона изогнулись в удивлении.

– Как спать? А наши планы. Разве ты не хочешь продолжить? Мы так долго ждали этого! – От его вырвавшегося «мы», а не «я», в моей груди, разлилось тепло. Однако этого было мало, чтобы я снова вспылала к Мейсону страстью. Мне нужно немного проветрить мозги, сон подойдет как нельзя лучше.

Я подошла к нему, обхватила его лицо руками и мягко поцеловала.

- Сегодня я не в настроении, прости, что разочаровала, – выдохнула я в его губы.

Он молчал несколько мгновений, затем тяжело вздохнул и смиренно кивнул.

– Не нужно извиняться, ты не можешь разочаровать меня. Я люблю тебя, Барбара. И готов ждать сколько потребуется. – После этих слов он принялся играючи осыпать мое лицо поцелуями. Я не смогла сдержаться и тихо захихикала. – Давай спать, детка.

Он помог мне забраться в постель, убрал все лишние вещи на стол, выключил свет и присоединился ко мне. Он укутал меня в одеяло, обнял крепкими руками и уткнулся губами в мой лоб.

Мейсон был идеальным парнем, в такие моменты я хорошо понимала это. Будет другая ночь, когда я смогу отбросить посторонние мысли, расслабиться и позволить нам, наконец, выйти на новый этап в отношениях.

Глава 5

Барбара

– Барбара? – позвал отец, когда я на цыпочках пыталась проникнуть в свой дом. Он всегда вставал рано, и большую часть своего *свободного* времени проводил также за работой: в кабинете дома, в компании, неважно где, он постоянно думал о работе.

Утром я сказала Мейсону, что спешу подготовиться к тесту по математике и просто сбежала, чтобы случайно не встретить Джеффри.

– Доброе утро, – распрямляя плечи, выдала я.

Отец вышел в холл. На нем был строгий костюм черного цвета, сшитый, разумеется, на заказ, под ним белая рубашка. Высокий и статный, чуть поноватый, в последнее время он старался следить за потребляемыми калориями, но по-прежнему оставался любителем жареного бекона на завтрак. Хотя отцу было уже пятьдесят пять, его волосы все еще оставались густыми, как у двадцатилетнего мальчишки. Проницательный взгляд карих глаз бегло обошел мое лицо и опустил сумку с вещами в моих руках.

– Я знаю, что этой ночью в особняке Фостеров не было ни одного разумного взрослого, – железным голосом заявил он.

– Хватит, пап, мне скоро восемнадцать, – уныло отозвалась я.

– Ты должна помнить о рамках приличия.

– Я помню о них.

Он любил поучать меня с детства. Уже в три года мне прочли лекцию о том, как нужно вести себя в гостях. Нельзя громко смеяться, нельзя дурачиться, нельзя делать ничего из того, что может оскорбить хозяев дома. А обычно, список того, что могло оскорбить хозяев, с которыми в силу статуса приходилось общаться отцу, был крайне велик. Настолько, что в присутствии некоторых даже громко дышать запрещалось.

О да, конечно я помнила о рамках, я жила в них с самого своего рождения. Барбара, не пей громко, Барбара, держи спинку ровно, Барбара, ты должна быть леди. Вся моя жизнь – это одни сплошные рамки! Некоторые люди не понимают, что если загонять ребенка в рамки, то он больше никогда не сможет отделаться от формы, которую приобрел в детстве. Он навсегда лишается способности быть гибким, другим.

Но пока отец пытался загнать меня в рамки, я их двигала. По сантиметру в день, но, так или иначе, я была непоколебима в решении добиться своего.

Я обижено поджала губы, как делала всегда, зная, какой эффект это оказывает на отца. Он мгновенно смягчился, подошел ближе и приобнял меня за плечи. Я же, отклонив голову в сторону, несговорчиво сложила руки на груди.

– Я желаю тебе только лучшего, но многие необдуманные решения, несут серьезные последствия, – назидательно проговорил он. Его дыхание с запахом мятной никотиновой жвачки коснулось моей щеки.

В этом году отец, во что бы то ни стало, решил бросить курить, однако все его попытки были неудачными. Я постоянно находила в его кабинете либо пепельницу полную окурков, либо кончики-срезы верхушек сигар. Теперь наравне со свежим запахом лосьона после бритья к нему приклеился аромат никотиновой жвачки и мяты.

– Но не нужно постоянно нависать надо мной с нравоучениями, я уже взрослая и сама могу отличить черное от белого.

– Но недостаточно быть просто «взрослой», чтобы понять, что черное иногда способно выдавать себя за белое.

Я отстранилась от него и медленно стала подниматься по лестнице.

– Да-да, а белое за черное, я все это слышала миллионы раз, – бросила я, даже не оборачиваясь.

– Правила есть правила, Барбара!

– И я не нарушила ни одно, и с твоего позволения мне нужно готовиться к тесту по математике.

Я была лучшей в классе. В начале года по наставлению отца набрала скучных предметов в свой курс, которые по его заверению, помогут мне в будущем. И не смотря на то, что ни один из них не нравился мне, я успевала по каждому. Я старалась быть лучшей во всем, ведь дочка Оливера Эванса должна быть самым совершенством.

Многие думают, что это самый настоящий подарок судьбы – быть частью семьи вроде моей. Дети богатых родителей не знают, что такое нужда, чаще всего им покупают все, чего они хотят, мой дом всегда был усыпан игрушками: куклы, плюшевые медведи и зайчики ручной работы валялись под ногами, и пройти невозможно было. Когда я стала старше, повзрослели и игрушки. Мою первую машину мне подарили в четырнадцать – Tesla S небесно-голубого перламутрового цвета. Стоит говорить, что у меня даже прав не было?

Отец покупал мне все, что я хотела, сумки, телефоны, одежда, появлялись у меня раньше начала официальных продаж. Не о таком ли мечтает каждая девушка?

Однако за все в этой жизни нужно платить. В девятом классе я впервые сказала отцу, что хочу стать дизайнером одежды, он отнесся к этому с юмором. Через какое-то время я снова сообщила ему о своем желании, он напрягся, но все еще считал, будто я шучу. И когда я заявила ему об этом в третий раз, сразу после того, как сказала, что не собираюсь ходить на идиотские подготовительные бизнес-курсы, он пришел в ярость. Тогда-то я и поняла, все эти годы я ни в чем не нуждалась, потому что меня как свинку откармливали для важнеего дела. Отец выбрал стратегию пряника, но в случае чего готов был применить и кнут, ведь Оливер Эванс просто не принимал ответ «нет».

Я надеялась, что научившись действительно хорошо шить и изготавливать одежду, смогу заявить о себе перед отцом. Тогда он начнет уважать мои решения и стремления, а самое главное, наконец, воспримет это всерьез. Но если я провалюсь, это лишь подтвердит его мнение обо мне.

Я разделась догола и нырнула под одеяло, наслаждаясь прохладой простыни. Заметив входящий от Мейсон, я сбросила вызов, написала смс о том, что занята, отключила телефон и легла спать, ведь этой ночью не могла сомкнуть глаз, и в итоге не выпалась.

Проснувшись я только к обеду, наспех натянула на себя синий топ с тонкими бретельками и узкие светлые джинсы, привела волосы в порядок и подправила макияж, затем решила спуститься вниз перекусить. На кухне застала Эрни – дворецкого Эвансов вот уже долгие двадцать лет.

Он был одет в причудливый коричневый костюм, обычный, из хлопка. Не во фрак, ведь это не одна из серий Бриджертонов⁷. Его каштановые, чуть покрытые сединой, волосы были зачесаны назад. Лицо Эрни украшали морщины, а острый, немного крючковатый нос, напоминал клюв птицы.

Несмотря на то, что он находился в этом доме еще до моего рождения и стал своего рода членом семьи, я не многое знала о нем, а все потому, что Эрни был очень скрытным человеком. Все что мне было известно, так это то, что жены у него не было, полноценной семьи тоже, был взрослый сын, с которым Эрни не общался. И причины холода в их отношениях мне не были известны.

Привалившись бедром к кухонной тумбе, он разговаривал с Келли – нашей кухаркой.

⁷ Бриджертоны – американский стриминговый историко-драматический сериал, созданный и продюсируемый Шондой Раймс, основанный на серии романов Джулии Куинн.

– Доброе утро, – чинно сказала я, присаживаясь за барную стойку, моментально выпрямляя спину, словно на обед обещала заглянуть королева Дании. Серые глаза Эрни обратились ко мне.

На кухне витали ароматы булочек с корицей и кофе, мой желудок скрутило от спазма. Я была очень голодной.

– Только Барбара Эванс начинает свое утро в обед, – шутливо выдал Эрни и облокотился на противоположную сторону барной стойки.

– Я пришла от Фостеров рано и решила доспать свои положенные часы.

Келли поставила передо мной корзину с булочками и чашку с яблочным джемом.

Черные волосы немолодой кухарки были собраны в тугий хвостик. На стройной фигуре было свободное платье и белый фартук.

Вот уж кто точно будто вышел из «Бриджертонов».

– Булочки уже остыли, но скоро будет готов тыквенный суп, – сообщила Келли.

Постелив на ноги тканевую салфетку, я аккуратно схватила одну булочку и, подавляя желание вцепиться в нее зубами, медленно надкусила.

– На днях, когда Лила убирала твою комнату она нашла кое-что интересное.

Я замерла с мягкой булочкой у открытого рта, в голове перебирая тысячи вариантов того, что могла найти наша уборщица – Лила в моей комнате. Алкоголь, наркотики можно было исключить, ведь первое я употребляла крайне редко, а второе совсем не интересовало меня.

– Что нашла? – затаив дыхание спросила я.

– Манекен. Ты забыла спрятать его.

Я с облегчением выдохнула.

– Фу-х, а я уж было подумала...

– Что подумала?

– Ничего, – быстро ответила я. – Ну разве те пакетики с белым порошком.

Эрни окатил меня снисходительным взглядом.

– Я просто шучу.

– Барбара, ты с огнем играешь, если отец узнает...

– Да, белому порошку он был бы больше рад, чем манекену в моей спальне, – усмехнулась я, продолжая поедать булочку. Все в этом доме были осведомлены, что мне запрещено заниматься тем, что я любила больше всего. Вместо этого в нашей домашней библиотеке на втором этаже был целый стеллаж с различными книгами по бизнесу, менеджменту и энергетике, которые я должна была ежедневно читать.

Скука смертная.

Я уже упоминала, что мой отец – Оливер Эванс и отец Мейсона и Джеффри – Дэниел Фостер давно являются лучшими друзьями. И это была очень прочная дружба, которая вылилась в огромное предприятие. Раньше в долине Юты существовало две энергетические компании, одна принадлежала Фостерам, другая Эвансам. И как это обычно бывает: компании были серьезными конкурентами. Семьи Фостеров и Эвансов враждовали, желая друг другу обвала акций и разорения.

Однако, в период тяжелого экономического кризиса, когда у правления стояли мой отец и мистер Фостер соответственно, они решили начать процесс слияния, чтобы не разорить обе компании. Так появилась Эванс-Фостер Энергетик, а наши семьи оказались тесно сплетены друг с другом.

Компания была всем для моего отца, ребенком, которого он любил ничуть не меньше меня. Именно поэтому с самого раннего детства мне была отведена особая роль. Родись в семье еще один ребенок, мальчик, например, все сложилось бы по-другому. Но так уж вышло, что братьев и сестер у меня не было, а я была единственной наследницей Эвансов, а значит, должна была унаследовать кресло за правящим столом в Эванс-Фостер Энергетик.

Я ненавидела это, как и ненавидела чертову компанию. Но мне приходилось играть роль примерной дочери, которая по наставлению отца готовилась к поступлению в одну из бизнес-школ страны, и уже даже документы подала. Мне оставалось дожидаться ответов, наконец собраться с силами и рассказать отцу правду: его компания мне не нужна.

Заметив, что доедаю уже третью булочку, я остановилась. Впрочем, и аппетит мой быстро улетучился, ведь на кухне появилась рыжая мегера тире моя мачеха.

– Келли, кружку зеленого чая с мятой и побыстрее, – приказным тоном выдала она, запрыгивая на один из барных стульев. Медово-ежевичный запах ее духов вызывал у меня головную боль. Поэтому положив пальцы на виски, я принялась их массировать.

Пейсли Джина Ферейра Вергара-третья была типичной представительницей рода охотниц на богатых мужчин. На ней был изумрудного цвета комбинезон классического стиля, в ушах золотые серьги-обручи, рыжие волосы пушистым облаком обрамляли ее лицо: Пейсли была поклонницей химической завивки, и последняя явно прошла неудачно. Мачеха постоянно сидела на соковых диетах, поэтому выглядела как иссушенная речная рыба, иногда она позволяла себе овощи и орехи.

Пейсли часто говорила, что грецкие орехи полезны для мозга, что работало только в ее случае, ведь мозг Пейсли был не крупнее грецкого ореха.

Стоит заметить, что между Ферейрой Мегерой-третьей и моим отцом не было заключено официального брака, а ведь она так грезилась об этом. Но после мамы отец зарекся от женитьбы. И я полностью поддерживала его в этом.

– Стоит обновить здесь... все, – окидывая взглядом просторную кухню выдала Мегера. Эта кухня являлась одной из комнат, которые были особо дороги моему сердцу, ведь ее дизайном занималась моя мама. Стены были выкрашены в молочно-розовый, кухонный гарнитур был изготовлен из натурального дерева и окрашен в серый. На полу была крупная плитка с имитацией мрамора. Атмосфера комнаты была светлой, просторной, нежной и... живой. Конечно, стены каждые пять лет обновлялись, но цвет оставался неизменным, мы не отступали ни на тон. Все должно было оставаться таким, каким видела это моя мама.

– Ты можешь катиться туда, откуда ты пришла и обновлять там что угодно.

Пейсли появилась в этом доме всего полгода назад, и пыталась установить свои порядки. Правда, я ей не позволяла. Мы сразу невзлюбили друг друга. Я была для нее костью в тощем горле.

– Оли говорил, что у тебя потрясающие манеры, но я все еще этого не вижу.

– Сделай очередную подтяжку лица, нависшие веки закрывают тебе весь обзор, именно поэтому ты ничего не видишь.

Мегера испугано округлила глаза, достала из своей сумочки зеркальце и стала рассматривать в него свое лицо.

Я тихо усмехнулась и принялась попивать остывающий кофе. Если я когда-нибудь ударюсь головой и буду вести себя как она, пристрелите меня.

Пейсли тряслась над своей внешностью, и ее походы к пластическому хирургу и косметологу случались чаще, чем шел дождь в октябре, а шел он минимум десять раз в месяц.

– Я просила с мятой, тупая прислуга, – загрохотал голос Мегеры, заставляя меня снова вернуть к ней взгляд. Видимо Келли ошиблась, когда наливала ей чай. – Смотри, как бы тебя не уволили.

В такие моменты я забывала о том, что меня учили сдерживать эмоции. Только строгий взгляд Эрни останавливал меня от того, чтобы запустить в Мегеру чашкой с джемом. Келли пробубнила извинения и принялась переделывать чай.

– Это ты смотри, как бы твоя задница не оказалась на улице, – прорычала я, сжимая руки в кулаки.

– Донесешь папочке?

– Мисс Вергара, – попытался вклиниться Эрни, но был моментально оборван взмахом костлявой руки Мегеры.

Каким-то образом Пейсли смогла задурить отцу мозги, он считал ее ангелочком, видел ее огромную грудь и отключал свой мозг, а мои слова принимал за банальную ревность и уверял, что меня он все равно любит больше. Я не знала, как достучаться до него, Пейсли превосходно отыгрывала роль жертвы.

– Не обольщайся, скоро игрушка ему надоест и на твое место придет другая, – спокойно сказала я.

Так было всегда. После ухода мамы, отец ударился в беспорядочные связи с девушками, которые и волосы с ее головы не стоили.

– Ты не о моем месте беспокойся, а о своем. Оливер ведь хочет толкнуть тебя с аукциона клиенту побогаче, прямо как одну из своих любимых кобыл. Ты же знаешь, что за кобыл дают меньше, чем за звездных жеребцов, а значит, тебе достанется средний вариант? Как насчет толстопузого владельца заправки?

Ярость и обида переполняли меня. Чтобы не броситься и не расцарапать ее лицо, я вскочила со стула.

– Пошла к черту! – огрызнулась я и встала, чтобы убрать пустую кружку и чашку с джемом.

Когда я оказалась за спиной Мегеры мне в голову пришла просто потрясающая идея – вылить ей на голову джем. С улыбкой самой настоящей психопатки я занесла над ее головой чашку с джемом. Пейсли не употребляла сахар, надеюсь, когда джем попадет на ее голову, ее кожа зашипит, и она сгорит, как вампиры на солнце.

Осуществить свой план мне не удалось, Эрни забрал чашку с джемом из моих рук.

Пейсли, почувствовав шевеление за ее спиной, обернулась, устремляя на меня свой подозрительный взгляд.

– Что ты делаешь? – спросила она. Эрни тем временем отошел в сторону.

Я сложила руки на груди, с задумчивым видом изучая ее волосы.

– Интересно, а если остричь твои волосы, ты по-прежнему будешь напоминать больного шакала?

Брови Пейсли взлетели в возмущении.

– Я расскажу отцу о твоём поведении!

– Расскажи ему о своих реальных намерениях, – бросила я и зашагала прочь из кухни, ведь выносить эту женщину больше не было сил.

Я убежала в свою комнату и упала на кровать. Я надеялась сдержаться, но не смогла и расплакалась.

Пейсли была права, иногда я чувствовала себя гребаной лошадкой!

Я воспитывалась в обществе, которое все еще поддерживало браки по расчету. Отец стал присматривать для меня пару, с момента, когда мне исполнилось десять. Мейсон был первым в его списке, ведь именно ему в будущем предстояло стать владельцем и управленцем доли Фостеров в Эванс-Фостер Энергетик. Это была идеальная партия: два наследника, что могут образовать не просто партнерский союз, а сделать компанию Эванс-Фостер Энергетик делом одной семьи.

Но когда меня принуждали к тому, чтобы быть с Мейсон, я невольно задумывалась, а действительно ли я влюблена в него или это мое скрытое чувство долга обязывает меня быть с ним?

Я не хотела быть лошадкой, о которой говорила Пейсли, ведь сама мысль об этом была для меня омерзительна и больше всего я не хотела эту чертову семейную компанию, которая стояла поперек моего горла и не давала мне права выбора в жизни.

Глава 6

Барбара

– Как насчет того, чтобы выставить эту гадкую Мегеру из нашего дома? – вломившись в кабинет отца, спросила я. Папа восседал за огромным столом из красного дерева посреди комнаты. Услышав мой голос, он замер с чашкой кофе у рта и взглянул на меня исподлобья.

Что такого в этой Пейсли? Я имею в виду, ее вагина же не производит золотые слитки?

– Барбара, опять ты за свое, – тяжело выдыхая, ответил он, отставляя кружку в сторону. Над его пепельницей, вырезанной из рога какого-то животного, дымилась сигара. Горький запах не давал мне мыслить здраво, и ему, вероятнее всего тоже: – Пейсли своеобразная, но она точно не монстр.

– Своеобразной она была бы, если бы посмела надеть на себя две вещи белого цвета, но совершенно разных оттенков. Пейсли вульгарна, надменна, совсем не уважает людей, которые работают в этом доме, и носит золотые обручи в ушах. Ты знаешь, что золотые обручи следует запретить на законодательном уровне?

– Ты не объективна, и при чем здесь золотые обручи?

– А ты объективен? Я не понимаю, как на место мамы ты мог притащить это чудовище?

Позади него на одной из полок стояла фотография моей мамы, где она, невероятно красивая, с пышными светлыми локонами в серебристом платье широко улыбается в объектив камеры. Как он мог так осквернить память о ней?

– Прекрати, ты не справедлива!

Я была на грани, я устала от того, что он смеет диктовать мне, как жить, а сам вытворят, что хочет.

– Если она будет рядом с тобой, то ты не заслуживаешь справедливости.

– Не смей так разговаривать со мной! Я твой отец.

– Это не аргумент!

– Я взрослый человек, Барбара, черт возьми! – заорал он, вскакивая со своего кожаного сиденья. – И я буду приводить сюда, кого пожелаю.

Я разозлилась, сердце разрывалось от тоскливого чувства несправедливости и боли потери. Прошло столько лет, но я никак не могла отпустить ее. Мне всегда казалось, что она рядом, что не покидала нас. Но ее не было. И вместо того, чтобы поддержать меня, он водит в этот дом, в дом, в который она вложила свою душу тупых девиц, которые ей в подметки не годятся.

– Лучше бы ты умер, а не она, – всхлипнула я. – В ее смерти есть только твоя вина!

Он грузно опустился в кресло, взгляд полный растерянности и, как мне показалось, сожаления остановился на моем лице.

Я не могла этого выносить и просто сбежала.

Мою маму звали Хелена. Говорили, что я ее полная копия, и с этим нельзя было не согласиться. У нее были длинные светлые волосы и круглые голубые глаза. Светлая кожа контрастировала с румяными щеками, наделяя ее какой-то особой аристократической красотой. Мама была дочерью богатого сербского бизнесмена, и была выдана за моего отца по расчету. Брак должен был помочь ее отцу – моему деду закрепиться в стране и поднять свои активы.

Но если в этом потоке сплошной выгоды и был свет, то этим светом была моя мама. Она совершенно не интересовалась бизнесом, котировками, биржами и прочими игрушками взрослых. Ничто не способно было ее сломить, она улыбалась даже в день свадьбы, хотя терпеть не могла отца. Перед самым торжеством она подсыпала в его ботинки красный перец, вынуждая того прервать ненадолго церемонию. Просто такой была моя мама, никогда не унывала, не предавалась боли, была борцом и несла этот свет всем вокруг. В нее невозможно было

не влюбиться, и отец просто растворился в ней. После свадьбы он стал относиться к ней по-другому, не просто как к выгодному проекту, а как к королеве. Не знаю, как она смогла побороть это, но когда родилась я, они безгранично сильно любили друг друга.

Она была солнцем и в моей жизни. Мягкостью и легкостью в этом доме. Она относилась ко мне иначе, чем отец, ничего не требовала, не поучала, а лишь говорила, какая я хорошая маленькая девочка. Мама ни за что не позволила бы ему распоряжаться моей жизнью, подбирать мне будущего мужа, которого я совершенно не буду любить и заставлять осваивать профессию, которая мне не интересна.

Тихий стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Это мог быть кто угодно, хоть сам Санта Клаус, только не отец. После ссор он предпочитал отмалчиваться, никогда не обсуждал конфликты, будто их и не было. А еще никогда не считал себя виноватым.

– Войдите, – хриплым от слез голосом крикнула я. Дверь распахнулась и в проеме показалась голова Эрни – дворецкого.

– В твоей ванне, должно быть, трубу прорвало. Первый этаж залило, пришлось надевать резиновые сапоги.

Я устало застонала и откинулась на подушки, прикрывая лицо руками.

– Не смешно.

– Прости, – пробормотал Эрни. Он позволил себе наглость войти в мою комнату и закрыть за собой дверь. – Я слышал вашу ссору. Пойми, Барбара, твоему отцу тоже тяжело.

– Нет! Ни черта ему не тяжело! Он живет в свое удовольствие и делает вид, что ничего не произошло.

– Но он не виноват в смерти твоей мамы.

– Он таскает женщин в этот дом. Это место, где все еще жива ее душа, а он так просто оскверняет ее! Были бы еще женщины нормальные, но все они – дуры редкостные! К тому же абсолютно лишены вкуса.

Эрни рассмеялся.

– Не думаю, что способность подбирать аксессуары определяет человека.

Я встала и накинула на плечи джинсовую куртку.

– Поверь мне. Определяет.

Из-за слез на моем лице появилась маска панды, тушь растеклась, тени размазались, увидев это в зеркале, я еще и побелела от досады как чертово Кентервильское привидение⁸.

Самое время привести себя в порядок и отправиться туда, где мое сердце начнет биться заново.

Я медленно прохаживалась вдоль деревянных стен, наслаждаясь тишиной, разбавляемой лишь лошадиным фырканьем. Раннее солнце заливало своим светом все пространство.

У входа располагался стенд с фотографиями и наградами. В центре была фотография с какого-то очередного состязания: девушка блондинка с длинной косой в экипировке темно-синего цвета верхом на лошади. Это была моя мама. Как много было заключено в этом фото: сила, грация, скорость. Она занималась конкуром и весьма преуспела в этом, но после моего рождения оставила это.

Конюшню отец подарил моей маме в честь моего рождения. Я и это место были самыми дорогими вещами в ее жизни по ее словам, ведь мама любила лошадей и любила свою единственную дочь.

⁸ Кентервильское привидение – персонаж одноименной сказки англо-ирландского писателя Оскара Уайльда.

В конюшне Эвансов все кони содержались в просторных денниках⁹. Всего таких денников было четырнадцать штук, по семь с каждой стороны вдоль вытянутого по форме деревянного здания. За денниками располагался амуничник¹⁰.

Держаться в седле я научилась раньше, чем ходить. Когда мне было три года, родители подарили мне Спаркл – маленького шетландского пони¹¹. Он стал моим другом, с которым я проводила очень много времени, но, к сожалению, умер год назад из-за болезни.

Именно Спаркл стал тем, кто вселил в меня любовь к этим животным. Я решила заниматься верховой ездой, и конюшня превратилась в маленький конный центр. Теперь здесь был рабочий-конюх, часто заглядывал ветеринар, а еще работал тренер. Поэтому позже к строению добавились лестница на второй этаж и комната отдыха для персонала.

Однако приблизиться хоть немного к триумфу, который в свое время испытала моя мама, у меня не вышло. Верховая езда была для меня только лишь любимым хобби. Отцу не нравилось, что мое увлечение пускает такие глубокие корни, конкур по его мнению был бесполезным занятием. Куда лучше энергетическая отрасль.

Занятие энергетикой, однако, не мешало ему самому увлекаться скачками. Он покупал породистых жеребцов, с которыми занимались тренера, и его подопечные регулярно участвовали в состязаниях. Некоторые из наших лошадей были настоящими чемпионами и брали призовые места в соревнованиях. Как, например, Герцогиня.

Услышав недовольное пыхтение, я подошла к первому деннику. Моя рука легла на рыжую мордочку. Она скинула мою руку, утыкаясь в нее носом. Ноздри под моими ладонями затрепетали, Герцогиня заржала, ведь узнала меня. Приветственное фыркание сменилось нетерпеливым притопыванием: она хотела на волю.

Герцогиня обладала не самым мягким нравом, однако легко шла на контакт, была гибкой, изящной и сговорчивой: самая настоящая леди. Обладательница десятков наград, чемпионка, а еще самая быстрая девочка Юты позапрошлого года.

Я поцеловала сухой лошадиный нос, запах сена, дерева и лошадиной кожи наполнил мои легкие. Скоро начнется сезон скачек, но Герцогиня участвовать в них уже не будет. В свои шесть лет, она выходит на пенсию. И хотя она больше не сможет завоевывать сердца любителей скачек, у нее навсегда останется мое сердце, ведь Герцогиня мой самый лучший друг.

– Пора прогуляться. Но подожди минутку, пойду переоденусь.

Я продвигалась в сторону комнаты-амуничника, иногда останавливаясь у других денников и даря чуточку ласки каждому из своих друзей: пятнистому чемпиону по кличке Тофи, серому с черной гривой Дэшу и мускулистому Рибэл, шкурка которого имела благородный шоколадный оттенок.

Самый последний денник принадлежал Рейджу. Я рассчитывала услышать стук копыт и громкое фыркание, которое призывало бы немедленно выпустить его, но услышала лишь тишину. Посмотрела на другие денники, где располагались лошади Фостеров, но Рейджа не было. Черная Ярость пропал.

Быстрым шагом я направилась к большому выходу из конюшни, который вел к леваде¹², где обычно гуляли наши лошади, и тренировочному полю.

Неужели вчера кто-то оставил Рейджа ночевать на улице?

Солнце поднималось из-за горизонта и слепило меня, но черное пятно в леваде мне удалось заметить сразу. Мурашки пустились по всему моему телу, в какой-то момент я поймала себя на мысли, что даже не дышу. Моя Черная Ярость гарцевал на месте, его густая грива раз-

⁹ Денник – отдельное просторное стойло для крупного домашнего скота (чаще – для верховых лошадей в конюшне).

¹⁰ Амуничник – помещение для хранения амуниции для занятий верховой ездой.

¹¹ Шетландский пони – шотландская порода пони, происходящая с Шетландских островов на севере Шотландии.

¹² Левада (паддок) – загон для выгула лошадей.

вевалась на ветру, на черной шкурке виднелись блики солнца. Из-под копыт коня поднималась пыль, он гордо изгибал шею, как бы предупреждая не подходить к нему. Даже отсюда я слышала его угрожающее пыхтение и топот, а все потому, что рядом с ним был Джеффри.

Фостер в одних голубых потертых джинсах, чуть согнувшись, медленно приближался к Рейджи, явно намереваясь укротить жеребца. Светлая шевелюра Джеффри была растрепана, под влажной кожей, поблескивающей на солнце от пота, перекачивались мышцы. Он был грязным, в песке, а значит, не раз за это утро был опрокинут Рейджи на землю.

Я не могла оторвать от них взгляда, движения Фостера, как и поступь Рейджи завораживали, заставляли следить за ними, затаив дыхание. Это было похоже на яростный танец, который мог в любую минуту перерасти в сражение. Джеффри позволил своему нутру вырваться на волю, и сейчас я даже не могла сказать, кто больше из них был похож на дикаря.

Фостер с самого детства был таким. Грязный, в рваной одежде и с разбитыми костяшками пальцев, ведь в очередной раз успел ввязаться в драку. Я помнила, как он прищуривал глаза, замечая меня поблизости, и никогда не могла понять, что в такие моменты происходило в его голове.

Я прикусила губу от волнения, когда заметила, как он приблизился к Рейджи и положил руку на его нос. В этот момент я всерьез испугалась за Фостера. Один удар Рейджи может оставить самоуверенного придурка инвалидом, если вовсе не отправить к праотцам. Но Рейджи замер, не оттолкнул его, не пустился в бег, не лягнул копытом, он будто врос в землю, предвкушая следующие действия Фостера.

Мне снится это? Джеф только что коснулся коня, который в прошлом году сломал тренеру Олсену два ребра? Даже ветеринару приходилось вводить Рейджа в седацию перед осмотром. И сейчас Ярость так просто позволил себя коснуться?

Я не могла поверить своим глазам.

Фостер ведь даже не был профессионально-обученным наездником. Джеффри с детства питал страсть к лошадям, постоянно отирался у конюшни. Однако тренироваться, как я, он никогда не хотел. Ему не нужны были тренера и инструкторы. Он общался с теми лошадьми, с которыми ему позволялось это делать. Мог пропадать в конюшне с утра до ночи, полностью наплевав на правила.

Спокойствие Рейджи испарилось так быстро, словно его и не было вовсе. Конь вдруг дернул головой, и начал неконтролируемо размахивать копытами, стараясь отогнать от себя Джеффри. Фостер отшатнулся, запнулся о песок и перекатился, оказываясь на безопасном от коня расстоянии. На лице его показалось такое искреннее недоумение, что я едва не рассмеялась в голос.

Я уже говорила, что наравне с заносчивостью и неясно откуда взявшейся надменностью, Фостер был крайне самоуверен. Узнав о том, что жеребец теперь принадлежит его отцу, Фостер решил, что непременно справится с ним.

Как же глупо.

Но если он желает отбить свою задницу и получить отпечаток подковы на самодовольной роже, на счастье, разумеется, то я постою в сторонке и с превеликим удовольствием понаблюдаю за этим.

Я развернулась и направилась к амуничнику, Герцогиня ждала меня.

– Барбара, как сама? – Услышав голос Джуда, я остановилась и медленно обернулась. Конюх стоял у входа, запрятав большие пальцы за пояс джинсов и ремень с огромной металлической пряжкой. Красная клетчатая рубашка на нем была заправлена в джинсы, на голове была ковбойская шляпа – стандартный прикид, в котором он считал себя неотразимым. А я в такие моменты задумывалась, не является ли Джуд случайно фанатом Блейка Шелтона¹³.

¹³ Блейк Шелтон – американский исполнитель кантри.

О нет, в моей голове заиграли навязчивые мотивы кантри.

– Ты опоздал, если бы здесь был мой отец, он бы немедленно тебя уволил.

– Да расслабься, твой предок сюда носа не сует вне скачек.

Я сложила руки на груди, надвигаясь на конюха.

– Зато я сую, лошади уже должны быть в леваде. – С громким фырканием Джуд направился к денникам. – Герцогиню не трогай.

В амуничнике я подошла к своему шкафчику, где стопочкой лежали мои чистые вещи и быстро переоделась. Для конных прогулок у меня было несколько комплектов одежды. Сегодня я выбрала самый удобный. Белая эластичная ткань штанов плотно облегла мои ноги, синий свитер из натуральной пряжи был идеален для тренировок, не сковывал движения, и хорошо пропускал воздух, на ноги я надела ботинки из черной кожи с белыми вставками, волосы собрала в высокий хвост.

После смены одежды, я подошла к деннику Герцогини и выпустила ее. Накинула на нее белый вальтрап¹⁴, следом амортизатор, расположила седло и принялась затягивать подпругу¹⁵ с обеих сторон, не сильно, пока только выравнивая седло.

Последний штрих! Герцогиня любила косички, поэтому я спрыгнула с нее и принялась заплетать густую гриву.

– Сегодня у меня весь день свободен, мы могли бы погулять у озера, – шептала я, доплетая последнюю косичку.

Я развернулась, собираясь уходить, но тут же вскрикнула от страха, ведь не ожидала в полуметре от себя увидеть Джеффри.

¹⁴ Вальтрап – покрывало, надеваемое под седло для защиты спины лошади.

¹⁵ Подпруга – широкий ремень, затягиваемый под брюхом лошади и служащий для укрепления седла.

Глава 7

Барбара

Сердце зашло в сумасшедшем ритме, больно ударяясь о мои ребра, не сдержав порыва, я коснулась своей груди рукой.

На кой черт он подкрадывается ко мне?

Джеффри стоял, привалившись плечом к кованой дверце денника. На его шее не было цепочки, а меня все еще съедало любопытство. Что он мог повесить на цепочку? Может там какой-то талисман вроде клевера? Хотя Фостер не из тех, кто верит в подобные вещи.

– Привяжи к своей шее колокольчик, чтобы он звенел каждый раз, как ты вздумает снова подкрасться ко мне, – недовольно бросила я, складывая руки на груди.

И в очередной раз мне досталось вскидывание брови. Что это значит? Он недоволен, или злится, или не понимает смысл моих слов? А может, у него нерв защемило? Этот кретин вообще умеет улыбаться, или эта способность не была заложена в его ДНК?

Он погладил мою лошадь по носу, а та – предательница, даже не подумала лягнуть его своими копытами.

– Привяжи к своему большому рту кляп, чтобы не болтать лишнего, – не глядя на меня, ответил он.

Большой рот. Это не самое обидное прозвище, вылетавшее из его уст за все эти годы, но определенно неприятное.

Джеффри достал из кармана джинсов кубик сахара и предложил его Герцогине. Та с превеликим удовольствием его съела.

Ярость поднималась из самого центра моей груди, что, думаю, ясно читалось в моих глазах, которыми я надеялась проделать дырки в его большой и самодовольной голове.

– Надеюсь, ты подавишься своими словами, – огрызнулась я. – И перестань кормить мою лошадь сахаром!

Кончик его языка скользнул по нижней губе, привлекая к этому действию все мое внимание. Я старалась держать взгляд прикованным к его лицу, но за какую-то долю секунды проиграла эту битву. Бегло оглядела стальные кнуты мышц его широкой обнаженной груди, восемь кубиков пресса, над которым явно работали не один день, и остановилась на поясе джинсов и поперечных мышцах его живота. Кожа Фостера была влажной от пота и грязной от валяния в песке.

Ну что за неандерталец? Сегодня было непривычно жарко, но не настолько, чтобы разгуливать полуголым.

– Ты сегодня особенно злая, может, тоже хочешь немного сладкого? – издевательски склоняя голову набок, спросил он.

– Не хочу!

У меня никак не получалось оторвать ноги от пола и отойти от него хоть на миллиметр. Запах жженого сахара, табака и лайма наполнил мои легкие, а еще тонкие нотки чистого мужского пота и пыли. Мой живот совершенно странным образом защекотало, заставляя меня смутиться, почувствовать себя виноватой и отойти на шаг от него, чтобы не находиться в этом дурманящем облаке энергии Фостера.

– А я предлагал, – безразлично бросил он.

Иисусе.

Вот, как это работает. Чтобы получить женское внимание, ему не нужно было делать ничего. Достаточно снять футболку и изваляться в грязи. Сотни девчонок выстроились бы в очередь, чтобы слизать эту грязь с его кожи.

– Рейдж, конечно, принадлежит твоему папе, но очень глупо позволять тебе дурачиться с ним. Этот конь опасен, в два счета может отправить тебя в нокаут.

– Отец не знает, что я взял его.

Я закатила глаза.

– Как обычно пренебрегаешь всеми правилами. Ты явно переоцениваешь свои возможности. Мой совет, держись подальше от Рейджи.

– Во-первых, я не спрашивал советов у кого-то вроде тебя. Во-вторых, не равняй меня по себе.

Я задержала взгляд на его губах.

– И что это значит? – непонимающе спросила я, возвращая свой взгляд к его глазам.

– А то, что ты всегда была трусихой, которая боялась послушаться папочку.

Я вовсе не трусиха.

Пришлось отвернуться от него, чтобы случайно не сорваться и не заехать ему локтем в живот. В сотый раз я принялась трогать заплетенную гриву Герцогини.

– Что ты вообще стоишь здесь, разве у тебя нет занятий поинтереснее? – грубо спросила я.

– Например?

– Например, твои подружки. Знаешь, и я никак не могу понять, почему ты привез двоих? У тебя где-то припрятан еще один член? Или у одной из них есть член?

– Боюсь, ты слишком мала, чтобы посвящать тебя в подробности моей личной жизни.

Я убеждала себя, что подробности его личной жизни не нужны мне, но на самом деле мою грудь разъедало любопытство.

Стоп. Что он сказал? Снова попрекнул меня моим возрастом?

– Вообще-то мне семнадцать, стоит напомнить тебе, что совсем скоро я стану совершеннолетней, – пробубнила я.

Тишина длилась ровно три секунды, а затем:

– Я помню, – пронесся тихий шепот над моим ухом.

Совсем-совсем близко.

Чертовы мурашки организовали миллионную армию и побежали по моей коже. Он был за моей спиной, но соблюдал дистанцию, именно поэтому я не заметила, как Джеффри приблизился. Однако теперь я чувствовала его, ведь теплое дыхание обжигало заднюю поверхность моей шеи и кончики ушей.

Вдруг его руки скользнули мимо моей талии и накрыли ремешки у седла. Я боялась пошевелиться и случайно коснуться талией его предплечий, просто стояла, разглядывая большие руки, оплетенные венами, и не могла понять, какого черта мое тело окаменело. В одно движение он затянул подпругу, о которой я сама совсем забыла, обошел Герцогиню и затянул подпругу с другой стороны. Выпав из оцепенения, я обернулась, а Джеффри отошел в сторону и вальяжно оперся о стенку денника, как-то устало поглядывая на меня.

Если бы я не знала, какой он законченный мудак, то сочла бы его жест заботой.

– Я бы сама могла затянуть подпругу, – пряча за возмущением свою растерянность, выпалила я.

– Но ты часто забываешь об этом из-за чего твое седло ненадежно.

– Тебе откуда знать?

Джеффри не ответил, оторвался от стены и посмотрел куда-то вверх моей головы, словно лишний взгляд, подаренный мне, был для него не менее чем пыткой.

– Не стоит благодарности, – небрежно бросил он.

– За выказывание превосходства надо мной? Посмотрите, какой он сильный и внимательный. Ты же Джеффри Фостер, а не глупая блондинка с круглыми глазами! В очередной раз,

заруби себе на носу, я сама могу затянуть чертову подпругу, не думай, что знаешь или умеешь больше меня, – бросила я и, отвернувшись, повела Герцогиню к выходу.

Нужно еще раз проверить седло, вдруг он сделал так, что стоит мне взобраться на лошадь, я сразу же свалюсь с нее. Это ведь Джеффри, такие понятия как забота и внимание ему чужды.

– *Барби!*

Мое сердце пропустило удар.

Он назвал меня Барби.

Желание затянуть на его шее узду и отправить Герцогиню бегать по полю нарастало как смертоносный торнадо, моментально вытесняя из моей головы все прочие мысли.

Чертов ублюдок прозвал меня так еще в детстве. Он прекрасно знал, как сильно меня раздражает это прозвище, но продолжал упрямо звать меня именем тупой куклы, преследуя какие-то свои совершенно большие цели.

Я сузила глаза и хотела ответить ему, но была застигнута врасплох следующими его словами.

– Скажешь, зачем ты задаешь мне лишние вопросы, если сама все видела?

Дьявол!

– Что видела?

– Не притворяйся, будто не понимаешь. Понравилось подглядывать? – Даже на таком расстоянии я заметила, как поползли вверх уголки его губ, будто Джеффри не мог удержаться от улыбки.

Позор, накрывший меня лавиной, моментально окрасил мои щеки в алый цвет. Я вцепилась в поводья Герцогини, продавливая кожаны́м ремешком кожу своих ладоней.

– Это было отвратительно, – гордо вскидывая подбородок, сказала я.

Джеффри сделал несколько шагов по направлению ко мне, отчего мне хотелось сорваться и убежать на поле, а еще лучше сесть на лошадь и ускакать от него как можно дальше.

– А мне казалось, будто я слышал твой стон, – сузив глаза, выдал он.

– Значит, тебе стоит проверить свой слух, потому что это было брезгливое «фу».

– Вот как? – Издевательские нотки в его голосе кричали о том, что он знает о моей лжи.

Мне нужно было просто потянуть Герцогиню и уйти, но мое упрямство и злость на Джеффри быстро заслони́ли собою стыд. Раньше я из раза в раз убегала, поджав хвост, боялась дать ему отпор, высказать все то, что я думала о нем. Но сегодня я не буду сбегать. Последнее слово останется за мной.

– Мне абсолютно наплевать как на тебя, так и на твоих подружек. Более того, Фостер, ты последний человек, чьи дела меня интересуют.

– А мне кажется, тебя прямо распирает от любопытства, *детка*, – последнее слово было искажено приторно сладким тоном, Джеффри попытался спародировать Мейсона. Ему никогда не нравилось то, что я встречаюсь с его младшим братом.

– Уж поверь, не все в этом мире вращается вокруг тебя. Твоя сексуальная активность меня не волнует. Просто я поражена тем фактом, что ты приволок двух незнакомых девушек в дом своих родителей. С Джеммой не говорил сегодня, ее драгоценности на месте? Хотя знаешь, хорошо, если они вынесли что-то из этого дома, может тогда Дэниел поймет какая ты сволочь и запретит тебе появляться в особняке.

С каждым словом он медленно приближался ко мне, его челюсти с силой сжались, на щеках заиграли желваки, и я хорошо видела в его потемневших глазах, как своими большими руками он ломает мою тонкую шею. Ну, может, я утрирую, однако Джеффри был чертовски зол. Адреналин подпитывал мое тело, ликование и чувство превосходства наполняли каждую клеточку моей груди, игнорируя маячивший на задворках сознания страх.

– Ты только этого и ждешь, – медленно проговорил он.

– Ты представить себе не можешь, как давно.

Джеффри уткнул кончик языка в свою щеку, в глазах его показался недобрый блеск, который моментально вышиб из меня всю уверенность. Его рука двинулась, и я замерла, почему-то ожидая, что он прикоснется ко мне. Джеффри никогда не касался меня, частью своего тела и случайно – возможно, но прямых касаний никогда не было, словно я была настолько отвратительна, что даже свои руки об меня он пачкать не желал.

Но как по мне, это он был отвратителен.

– Барбара, вот ты где.

Я отпрыгнула от Джеффри, а сам Фостер, не теряясь, провел рукой по влажным волосам, переводя взгляд мне за спину. Странное напряжение, возникшее между нами, одним своим появлением разрушил Мейсон.

– Я был у тебя дома, Эрни сказал, что ты ушла расстроенная, я пришел тебя развеселить.

Джеффри окинул брата каким-то странным, непривычно враждебным взглядом, и направился вглубь конюшни.

Руки Мейсона обвили мою талию. Теплые губы оставили маленький поцелуй на моем виске, и настроение мгновенно поползло вверх.

– Что это с ним? – спросил он.

– Понятия не имею.

– Он сказал что-то неприятное тебе?

Я накрыла руками шею Мейсона и поцеловала его.

– Абсолютно все, что он говорит – неприятно для меня.

Я могла простоять с Мейсоном весь день, ведь с его появлением тучи над моей головой разошлись, но рядом со мной была подруга, которой явно не нравилось, что я раздаю свое внимание Фостерам, а про нее забыла. Поэтому я условилась встретиться со своим парнем позже.

Я проверила седло в сотый раз, ведь подозревала, что Джеффри мог с ним что-то сделать. Но как оказалось, подруга была затянута просто идеально.

Ладно, а это уже походило на заботу.

Глава 8

Джефри

Привалившись плечом к деревянному косяку двери, я наблюдал за тем, как Барбара верхом на Герцогине удаляется от конюшни. Я определенно обратил внимание, что на простую прогулку она вырядилась как типичная чопорная стерва.

Я ненавидел это в ней, а еще то, как она всегда задирала нос, ведь в отличие от меня, была породистой девочкой и знала себе цену. Разве это может не раздражать?

Барби с Дикого Запада всегда была ярким пятном. День, когда я впервые увидел ее, отпечатался в моей голове. Прием в честь дня рождения Джеммы был в самом разгаре, дом Фостеров был заполнен уважаемыми семьями со всего Солт-Лейк-Сити.

Оливер Эванс был грозной фигурой, смотрел на всех свысока, оценивая и с некой долей презрения. Он пугал одним своим видом, хотя ничего пугающего в его внешности и не было. Разбавляли эту неприятную энергию его любимая жена и маленькая дочь.

Хелена Эванс была полной противоположностью мужа, улыбчивая, громкая, легкая, дружелюбная. Она была той, кто излучала свет. А рядом с ней всегда стояла ее маленькая копия.

Розовое платье с многочисленными рюшами и оборками на юбке мозолило мне глаза. На голове ее был в тон платью ободок, а из-под длинной юбки выглядывали маленькие серебристые башмачки. Светлые кудряшки струились по плечам и спине, достигая поясицы. Фарфоровая кожа, маленький нос, губки бантиком и огромные голубые глаза. Она выглядела в точности как кукла, новая модель игрушки о которой мечтали все девочки.

Я никогда не играл в куклы, но она вызвала во мне такой интерес, что мне непременно захотелось познакомиться с ней, удостовериться, что она вообще настоящая.

Я подошел к счастливому семейству, игнорируя суровые взгляды Эванса.

– Привет, – сказал я, наблюдая за ее лицом в форме сердечка, отслеживая каждую эмоцию на нем, ведь всем известно, что куклы не испытывают эмоций.

Ее круглые глаза забежали по моему лицу, она коротко взглянула на свою маму и, заметив на ее губах легкую улыбку одобрения, ответила:

– Здравствуйте.

Из моего горла вырвался смешок. Что это еще за «здравствуйте»? Так никто не говорит. Разве только если не общается со старикашками.

– Меня зовут Джеф, – представился я, протягивая ей руку. Теперь я мог рассмотреть ее лучше: круглые щеки были окрашены легким румянцем, длинные светло-коричневые ресницы были чуть опущены, что делало ее взгляд грустным.

– Тебе лучше уйти к отцу, – грозно выдал ее отец.

Я непонимающе вскинул брови.

Почему он прогоняет меня? Может я испачкался?

Синий смокинг на мне был в порядке, рубашку следовало заправить получше, но она тоже была чистой.

– Оливер, прекрати, – ласково сказала мужу Хелена, а затем взглянула на дочь, как бы давая ей незримое разрешение. Девочка перевела свой безэмоциональный взгляд на мою руку. Светлые брови собрались на переносице.

Она смотрела на мою руку так, словно до этого та полгода пролежала в болоте с тиной: с легкой тенью отвращения и явной неприязнью. Конечно же, она не стала ее пожимать.

– Меня зовут Барбара, – стеклянным голосом сказала она. Чуть ниже ее подбородка была цепочка с большим бесцветным камнем, слишком тяжелым для маленькой шеи. Свет софитов падал на камень, и тот отражал его, превращая в сотни маленьких лучей, один из которых бил мне прямо в глаза. Пришлось потереть веки, настолько это было ярко.

От нее пахло чем-то сладким, словно на платье был карман, где она прятала вишневые карамельки. Это чувство, будто бы мне понравились ее светлые кудряшки, розовое платье и запах конфет, спрятанных в ее кармане, задавило меня. Я же мальчик. Мне не может нравиться розовое платье и девчачьи волосы.

– Барбара, – усмехнулся я. Какое же глупое имя! – Может лучше называть тебя Барби? Девочка нахмурилась и покачала головой, и только она хотела что-то ответить, как раздался голос ее отца.

– Нет. Она Барбара. Запомни, Джеффри.

И это был словно призыв к действию. Как же я не любил, когда мне пытались доказать, что синее море на самом деле зеленое. Она выглядела в точности как кукла, ее звали тем же именем, но, тем не менее, ее семья открещивалась от подобных сравнений. Что за идиотизм?

Она была идеальна, по крайней мере строила подобный образ. Даже среди богатых детей Барбара выделялась, она будто бы была гораздо выше их, словно ее семья не просто владела деньгами, а происходила из королевской династии. Каждый раз, когда ее маленький носик невольно задирался, я не мог справиться с чувствами, что возникали во мне. Как же сильно она раздражала меня и злила. Одним своим видом она способна была заставить мою грудь переворачиваться, а органы завязываться в узел. Ее походка, ее манера говорить, то, как она поправляла свои длинные волосы, с каким высокомерием она смотрела на окружающий мир.

Однако больше всего меня раздражало, когда ее большие голубые глаза были нацелены на меня. Какого хрена она наблюдала за мной? Чтобы в очередной раз понять, что одежда на мне не такая брендовая, как на Мейсоне? Что в отличие от правильного Фостера я выродок без элитной родословной?

– Знаешь, твои советы оказались полнейшим дерьмом, – фыркнул Мейсон где-то поблизости, заставляя меня вынырнуть из детских воспоминаний. Я оглядел поле, но ни Барбары, ни Герцогини видно не было.

Должно быть, они направились к любимому месту Барбары за лесом. Маленькое озеро находилось вдали от любопытных глаз, и было скрыто деревьями. Оно было чистым, с бирюзовой прозрачной водой, и подпитывалось благодаря подземному источнику.

Барбара наивно полагала, что маленькое озеро ее тайное место. Но оно было и моим тайным местом. Только вот когда я замечал там ее, то не высовывался, предпочитая наблюдать за ней издалека. Обычно Барбара привязывала Герцогиню к дереву, а сама садилась на старый деревянный пирс и вытаскивала альбом.

И мне вовсе не было интересно, что она могла там рисовать. Барбара в принципе была неинтересным человеком: пустой и ненастоящей, капризным манипулятором и породистой сучкой, которая любила напоминать одним своим видом, как высоко стоит она, и насколько низко стоят все остальные.

– О каких советах идет речь? – спросил я, отводя взгляд от горизонта, чувствуя жар в районе своих висков и стараясь мгновенно подавить его, как делал это с самого нашего знакомства.

По плечу распространялась настырная боль. Я неудачно приземлился после очередного выпада Рейджа. Кожу саднило в нескольких местах, где я поцарапался о песок, но это, пожалуй, были мелочи.

– Ты сказал, что нужно показать ей страсть, – напомнил Мейсон.

Я сильно прикусил губу, с трудом сдерживая улыбку.

В пятницу, когда светловолосая любительница лошадей ушла, оставляя меня и Мейсона на кухне одних, брат завел очень странный разговор. Не то, чтобы мы не говорили с ним о сексе. Говорили с того самого момента, как Мейсон вообще узнал это слово. Однако он никогда не затрагивал в разговоре Барбару. Мейсон не был девственником, однако брат не имел огромного

опыта в этих делах за плечами. Вероятнее всего он думал, что с девушкой вроде Барбары нужен особый подход. Она ведь вела себя как принцесса, а принцессы всегда требовательны.

– Как развести девчонку на секс? – спросил он, заставляя меня замереть со стаканом апельсинового сока в руках. Ее стаканом.

– Зачем тебе? – спросил я, поглядывая на арочный выход из кухни, где недавно исчезла Барбара.

Мейсон дернул головой и уставился в свою тарелку.

– Да так, обсуждали недавно с парнями, у всех разные стратегии.

Я подавил смешок, мгновенно догадавшись, что ничего с парнями он не обсуждал.

– Значит, за все эти полгода Барбара ни разу не позволила тебе прикоснуться к ней? – прямо спросил я.

Мейсон откинулся на спинку стула, ничуть не смутившись после моего вопроса, но сложил руки на груди и возмущенно изогнул брови. Он не собирался трепаться о ней, а я не стал расспрашивать, ведь если Мейсон решит молчать, его уже никак не разговорить.

– Кусай ее посильнее, и побольше грязных словечек, они это любят, – сказал я. – Резко толкни ее на кровать и переверни на живот.

– Это не грубо?

– Нет. Девчонкам нравится. Если откажется, значит, она еще не готова.

Я дал ему простой совет – показать всю свою горячую страсть, делать все быстро и жестко. Только вот подобная стратегия мало с кем работала. Этот метод не пойдет девственницам и неженкам. Первое можно отместить, мы же говорим о Барбаре Эванс. Глупо не признать, что она олицетворение мечты любого парня в школе. Она много с кем встречалась до Мейсона, поэтому наверняка имела опыт в постели, а вот второе ей подходило идеально. Она все останавливает.

Не знаю, почему я сбивал брата с верного пути. Мне никогда не нравилось то, что Мейсон и Барбара встречаются. Она крутила им, как своим собственным домашним питомцем. Мейсон сам не замечал, но делал все в точности так, как говорила она, слушал каждое ее слово и ждал новой команды от хозяйки.

И я, как ответственный брат, просто не мог допустить, чтобы она превратила Мейсона в свою половую тряпку, хотя, глядя на то, как он везде бегал за ней, я уже стал подумывать, что опоздал.

– И ты показал? – спросил я.

– Да. Но ей не понравилось и ничего не вышло.

Я пожал плечами.

– Значит, она еще не готова и не стоит склонять ее к сексу.

– Склонять? Я вовсе не склоняю ее. Нет, я хочу, конечно, но заняться сексом в пятницу было ее идеей.

Я остановился, чувствуя странную тяжесть под подбородком. Конечно, она хотела, ей не терпится еще сильнее привязать к себе Мейсона, а он просто влюбленный дурак. Влюбиться в такую девушку, как Барбара самая глупая ошибка, которую может совершить мужчина.

– Это ничего не меняет, тебе просто нужно немного откатить все назад. Побудь благородным рыцарем и скажи, что будешь ждать ее.

– А если она захочет этого тогда, когда мы разъедемся в разные стороны после поступления?

Это было бы просто идеально.

– Знаешь, что я думаю? Что вам вообще не стоит встречаться с ней, – признался я, сам удивляясь, что произнес это вслух.

– И почему же?

– Потому что она играет тобой, Мейсон.

– Бред!

Я подошел к брату, который был ниже меня сантиметров на десять и взглянул на него свысока.

– Барбара хоть раз говорила, что любит тебя? – спросил я, ловя себя на том, что даже дышать перестал в ожидании ответа. Мейсон задумался на секунду.

– Нет, но мне не нужны слова, чтобы знать о ее чувствах.

Я выдохнул и усмехнулся.

– Не тешь себя надеждами. Подумай о том, сколько сексуальных цыпочек ты подцепишь в колледже. На тебя будет вешаться каждая, когда все узнают, что ты самый многообещающий аутфилдер, – складывая руки на груди, заверил я. – Это проще, чем ждать, когда же принцесса Эванс снизойдет до тебя или до любого из парней. Тебя ждет нечто большее, чем девчонка-манипулятор.

И это не было лукавством. Мейсон был очень талантлив, когда дело касалось бейсбола, в этом я полностью поддерживал брата. Главная лига бейсбола многое потеряет, если лишится такого талантливого игрока.

Мейсон любил бейсбол всем сердцем. И я недоумевал, почему он все еще был намерен пойти по стопам нашего отца и унаследовать компанию, это ведь совсем не нравилось ему. Надеюсь, чувство долга в Мейсоне ослабнет настолько, что он сделает верный выбор. Я хотел этого и желал ему в нужный момент не упустить возможность.

Можно подумать, что я просто хочу устранить конкурента. Все сложилось бы как нельзя лучше, если бы Мейсон уверенно выбрал бейсбол, а не компанию. И тогда доля в Эванс-Фостер Энергетик отошла бы мне. Замечательно, не правда ли?

Да вот только этого никогда не случится. Дэниел ни за что не отдаст мне компанию, моя кандидатура даже не рассматривалась, ведь я был неполноценным сыном.

Мейсон недовольно оглядел мои голые плечи и сложенные на груди руки.

– Что?

– Барбара и так терпеть тебя не может, не оскверняй ее любимое место, – сказал брат, кивая на мой обнаженный торс.

– Мне совсем нет дела то того, что любит Барбара, а что нет.

Мейсон поморщился, будто я ударил его.

– Я понимаю это, но не мог бы ты просто появляться в конюшне тогда, когда здесь нет ее?

Я усмехнулся и направился к амуничнику.

Была в моем характере одна черта. Когда мне говорили чего-то не делать, это буквально становилось моей следующей целью.

– Конечно, не появляться в конюшне, когда здесь есть твоя *детка*, – фыркнул я, выделяя особым голосом слово «детка». Когда Мейсон называл так Эванс, меня начинало тошнить.

В амуничнике я нашел свою футболку и натянул ее прямо на грязное тело. В нос ударил запах вишневых карамелек. А затем я заметил и то, что испускало этот аромат – одежда Барбары. Джинсы, футболка и джинсовая куртка лежали аккуратной стопкой на ее полочке. Я зажмурил глаза стараясь унять щекотку в животе, которая возникала каждый раз, стоило мне вдохнуть этот запах.

Подобное произошло несколько минут назад, когда Барбара готовила лошадь к прогулке. Я не собирался останавливаться рядом с ней, чтобы поболтать, но когда почувствовал запах вишневых карамелек, быстро передумал. Этот запах так взбесил меня, что я не мог отказать себе в возможности в очередной раз позлить ее. В моменты, когда ее самообладание трещало по швам, я ликовал.

Я усмехнулся, вспоминая ее удивленную физиономию, когда она застала меня и тех девчонок в кинозале. Она была так увлечена подсматриванием за нами, что даже не заметила

моего взгляда. А я заметил все, каждую ее эмоцию, что освещались скачущими вспышками света с экрана плазмы: смятение, смущение и интерес.

Нужно было пригласить ее присоединиться, но судя по ее тихому полувздоху-полустону она определенно задумалась бы над моим предложением.

Я схватил с полки свою джинсовую куртку и еще раз взглянул на стопку с ее одеждой. Эти вещи были сложены куда аккуратнее всех других: край к краю.

Что-то заставило меня подойти к ее полке, уставиться на вышитую маленькую эмблему птицы на футболке и коснуться ткани.

На секунду в моей голове проскользнула мысль взять эту футболку и поднести к своему носу, но я зарубил это дерьмо сразу же. Я не какой-то там психопат. И я терпеть не могу этот запах вишневых карамелек, и терпеть не могу Барбару Эванс.

Вечером, когда отец, наконец, вернулся из своей поездки, я надеялся, что он скажет мне что-нибудь о моем поведении. Ну, не знаю, как минимум сделает замечание за пятничную сцену на кухне, сорванный ужин, за оскорбление хозяйки дома – Джеммы или хотя бы за то, что я взял его новое приобретение – Рейджи без спроса. Но он молчал, даже полноценного «привет» не смог из себя выдавить. Кивнул и ушел в свой кабинет.

Ну и пошел к черту! Дает мне деньги, этого достаточно.

Я ввалился в свою комнату и упал на кровать. Здесь пахло как после ремонта. Белый потолок, белые стены, белая мебель. Все в этой комнате было белым, но не потому, что мне нравился белый, а потому, что с самого своего появления здесь, я не думал, что задержусь надолго. Комната была обезличена, выглядела как типичная гостевая в доме богатых людей. Забавно, что сначала я опасался в любой момент быть выставленным из дома, а сейчас только и желал, чтобы отец собрал мои вещи и швырнул их с балкона, забрал машину, наказал, пригрозил тем, что оставит меня без всего. Что угодно, только бы не его безразличие.

– Кто это? – спросил отец, когда мама привела меня – пятилетнего в парк, где они условились встретиться.

– Это Джефри, – неловко ответила мама, раскачиваясь на пятках. – Твой сын.

Брови отца изогнулись совершенно странным образом, я помнил выражение его лица до сих пор, но все еще не мог расшифровать его. Что это было? Удивление? Гнев? Сожаление?

– Убирайся, откуда пришла и заberi с собой этого ублюдка! – угрожающе тихо выпалил он. – Приблизись хоть на шаг к моей семье, я сделаю так, что у тебя отнимут его, и ты больше никогда не сможешь выкачивать бабки из дурачков с которыми спала. – Последним словом он поставил точку, развернулся и, прихрамывая, направился к черной машине стоящей у входа в парк.

Таким было мое первое знакомство с отцом. Он был большим и угрожающим, хромал и назвал меня ублюдком. Одно было ясно точно – он не поверил, что я его сын, а может и поверил, но так боялся признать это, что позволил себе окатить и меня и мою маму такими грязными словами.

Мейсону тогда был всего год. Он был долгожданным сыном, ведь они с Джеммой десять лет пытались зачать ребенка. Отцу говорили, что он бесплоден, что шансов нет, а тут сразу двое детей. Конечно, он не поверил моей маме.

Но я был согласен даже на ненависть, потому что то, что происходило сейчас, было в сотни раз хуже.

Глава 9

Барбара

– По средам мы носим розовое¹⁶, – пропела подруга, заскакивая на переднее сиденье розовой «Феррари», которую отец подарил мне на шестнадцатый день рождения.

– Сегодня понедельник.

Челси громко фыркнула и небрежно заправила волосы за уши.

Моя подруга была очень привлекательной, и это не типичное мнение кого-то, кому она была дорога, все замечали ее внешнюю красоту и не упускали случая сделать ей комплимент. Раскосые глаза выдавали в Челси кровь коренных народов Америки. Она была высокой и стройной, а черные волосы отливали синевой на солнце. Полные губы всегда были подчеркнуты помадой розового оттенка, карие глаза с желтыми крапинками подведены черным айлайнером. У нее был узкий с небольшой горбинкой нос, и овальное лицо с острым подбородком – настоящая красавица индейского племени.

Челси была моей подругой с тех самых пор, как Билли Аткинсон в четвертом классе плюнул в ее волосы жвачку, решив так поиздеваться над новенькой девочкой. Я помогла ей избавиться от жвачки, без отрезания половины длины ее волос. А также сопровождала ее к директору, чтобы негодного мальчишку наказали. К сожалению, родители Билли состояли в родительском комитете и были щедрыми дарителями школы, поэтому придурку даже ничего не сделали. Но после того случая я не давала Челси в обиду.

– Не рычи, с утра без настроения? – спросила она, оборачиваясь ко мне. И как же Челси была права. Сегодня утром отец попытался заговорить со мной, но я даже бровью не повела.

– Снова эта Пейсли. Я не знаю, что мне сделать, чтобы он, наконец, понял, с какой гадюкой встречается.

Иногда перед школой, я заезжала за Челси на своей машине. Она жила не в самой лучшей части города, обычно я ждала ее на парковке маленького кафе на перекрестке, и по ее просьбе никогда не ездила к ее дому.

У моей подруги была простая семья, ее отец работал на местном заводе по производству упаковочных материалов, а мама была няней в частном агентстве. Денег в семье не хватало, и Челси безумно стыдилась этого, поэтому старалась избегать разговоров о родителях.

– Когда мужчина влюбляется по уши, он теряет способность рационально мыслить, поэтому все плохое, что будет делать твоя мачеха, он будет разглядывать через розовые стекла своих очков, – заявила Челси, вжимаясь в спинку сиденья и выставляя руку в окно машины.

– И откуда эти познания о взрослых мужчинах?

В отличие от меня Челси уже было восемнадцать. Она встречалась с Билли Аткинсоном, тем самым, который прилепил ей жвачку на волосы. Умнее с возрастом он не стал – типичный качок футболист из школьной команды. Не знаю, что увидела в нем Челси, возможно, ей нравится проводить время с людьми, чей уровень развития равен уровню развития улитки.

Нет. Такие сравнения оскорбительны для улиток.

Хоть Челси и не была девственницей, назвать ее опыт «богатым» у меня не поворачивался язык.

– Это относится к любым мужчинам. Они влюбляются иначе, чем женины. Если это настоящая любовь, то они растворяются в этом чувстве и отдают себя полностью. Жаль только, что ни один мужчина не способен любить долго. Обычно все заканчивается тогда, когда девушка решает отдать свое сердце, – с видом специалиста в любовных делах заявила Челси.

Я недоуменно покосилась на подругу.

¹⁶ «По средам мы носим розовое» – фраза Карен Смит – одной из главных героинь фильма «Дрянные девчонки».

– Что? Я слушаю подкасты о психологии мужчин, дави уже на газ и не нужно этого взгляда.

Загорелся зеленый и я тронулась с места.

К школе мы подъехали перед самым началом уроков. «Раунд Лейк» была одной из самых престижных школ, находилась в самом центре города при мормонской церкви и спонсировалась многочисленным мормонским населением. Несмотря на огромный приток капитала к учебному заведению, обучение в «Раунд Лейк» могли позволить себе не только «богатенькие» дети. Директор школы – Джек Салливан считал, что право на обучение в школе должно быть у каждого, поэтому в «Раунд Лейк» ученических стипендий было на порядок больше, чем в других школах. Челси, например, смогла попасть в школу только благодаря стипендии.

Кроме того, для того, чтобы поступить в школу, не обязательно было становиться мормоном, в школе учились разные дети.

– На математику? – спросила Челси, закрывая дверь моей машины.

– Ага, – отозвалась я. С Челси мы проводили вместе практически весь учебный день, ведь в начале года в курс набрали одних и тех же предметов. Моя подруга метила в Университет долины Юта на факультет рекламного менеджмента. Она верила, что эта специальность даст ей, наконец, то, о чем она так мечтала – финансовую стабильность и независимость.

Двухэтажное здание школы состояло из трех корпусов, и было построено в форме квадратной подковы, внешне оно отличалось сочетанием стилей минимализма и готики: кирпичные стены были окрашены в белый, второй этаж украшали арочные окна, на одной из двух декоративных башен была расположена острая пика, тянувшаяся в небо.

– Я совсем не готова к тесту, – взволновано протянула Челси, подхватывая меня под руку и направляясь в сторону школы.

На газоне у многолетнего дуба резвились футболисты школьной команды, они перекидывали друг другу вытянутый по форме мяч, но заметив нас, оторвались от своего дела и дружно засвистели. Челси помахала Билли, который был среди них, а я проигнорировала придурков.

– Я уверена, что ты справишься, у меня было мало времени, но я же подготовилась.

– Почему мало времени? – спросила она.

Тяжело вздохнув, я толкнула парадные двери и вместе мы вошли в главный корпус школы.

– Сначала отец и Пейсли, а потом еще и Фостер со своими подружками... – Был еще неудавшийся секс с Мейсоном, но пока я не хотела разговаривать об этом.

Слишком поздно я поняла, что и так ляпнула лишнего. Челси стала слушать меня куда внимательнее, чем до этого, и все из-за старшего сына Фостеров.

– Джеффри? – переспросила она.

Я кивнула.

– Расскажи, что случилось! – дергая меня за рукав свитера, потребовала Челси.

Ее голос был словно звон гонга для моих ушей. Я вздохнула, ведь даже вспоминать об этой истории с Фостером мне было неприятно, а рассказывать тем более.

– Ничего особенного, просто Фостер в очередной раз доказал что пропустил пару ступеней в своей эволюции.

– Поконкретнее.

– Только никому, – остановившись у кабинета математики, прошептала я.

– Я могила! – пообещала подруга, приближаясь ко мне, чтобы скорее узнать эту тайну.

Я опасно оглянулась, удостоверюсь, что нас никто не подслушивает. Не знаю, кого я ожидала увидеть рядом. Но мое воображение подкидывало непрошенные картинки того, как Джеффри выскакивает из-за угла и в очередной раз упрекает меня в подглядывании за его извращенными играми.

– Он приехал в пятницу в компании двух девушек, а вечером я застала их занимающихся сексом в кинозале Фостеров. – Челси часто заморгала, широко раскрывая глаза и невольно прикрывая рот рукой, будто бы это она только что рассказала нечто отвратительное.

– Я хочу все в подробностях!

– Подробностей не будет. Хочу забыть все как страшный сон.

– Ну, Барбара!

Черта с два! Ей придется взять в заложники коллекцию моих солнечных очков, чтобы я выдала хоть одну деталь того вечера.

– Не-а, и не проси.

– О чем не просить? – спросил возникший за нашими спинами Мейсон.

Только этого мне не хватало. Если Мейсон узнает, что я случайно увидела секс его брата с двумя подругами, то сразу поймет, почему в тот вечер я так быстро решила лечь спать.

– Ни о чем, – поспешно ответила я, целуя Мейсона в щеку. Его волосы были еще влажными после душа, а кожа пахла свежим запахом мужского мыла. Иногда младший Фостер приезжал в школу раньше остальных. Тренер позволял ему упражняться с автоматическим метателем бейсбольных мячей на тренировочном поле. Мейсон и некоторые парни из нашей школы играли за бейсбольную команду штата. Национальный чемпионат по бейсболу среди старшеклассников был в самом разгаре, один за другим шли важные матчи, именно поэтому Мейсон готов был тренироваться сутками. В прошлом году он был признан лучшим игроком чемпионата, лидировал в турнирной таблице по количеству отбитый мячей, и по количеству хоумранов¹⁷ за чемпионат. Однако команда Юты заняла лишь третье место в чемпионате, уступив Калифорнии и Флориде. Но в этом году наши парни были настроены решительно.

Одним взглядом я призвала Челси заткнуться.

– Ты уверена? – с замешательством на лице спросил мой парень.

– Просто трепались о том, как твой брат в очередной раз решил сделать глупость и взял Рейджи, – поспешно выдала я.

Челси закивала головой, подыгрывая мне, но когда Мейсон отвернулся, она стала активно жестикулировать.

– Де-та-ли, – без звука выдала она, разделяя слово на слоги.

Я была непреклонна. Мне совсем не хотелось делиться деталями того вечера с Челси. Я уверяла себя, что моему нежеланию рассказывать о случае с Фостером есть веская причина – мозг принципиально блокирует неприятные, в каком-то смысле даже шокирующие воспоминания. Однако странная тяжесть в груди наталкивала меня на иные мысли. Челси не интересны девушки, с которыми заиграл Джеффри, ей интересен сам Фостер, потому что он... именно тот о ком я говорила раньше. Парень, который одним взглядом своих холодных изумрудных глаз способен сразить любую девушку наповал. Челси утверждала, что недолюбливает Джефа не меньше меня, но почему-то всегда просила рассказать побольше о его самодовольной заднице, и могла слушать о его паршивом поведении целые подкасты. Я не могла винить ее за любопытство. Ведь при всей неприятной натуре Джеффри и омерзительности его поступков, внешность и особая энергия заставляли девушек интересоваться им.

Эффект Фостера в деле. Иногда я сама чувствовала на себе его влияние.

¹⁷ Хоумран – удар в бейсболе, отправляющий мяч за пределы поля и позволяющий бэттеру пробежать через все базы и вернуться в дом.

В середине дня у меня образовалось окно, преподавательница по теории международного права слегла с кишечным гриппом. Я решила провести это время на стадионе школы, где тренировались футболисты и группа поддержки.

Я заняла место в центре первого ряда с альбомом и занялась эскизами.

– Барбара, засними нас, пожалуйста! – крикнула Отэм, отвлекая меня от эскиза. Я удивленно вскинула одну бровь и потрясла в воздухе альбомом.

– Я занята.

– Пожалуйста, ворчунья. Всего один раз.

Я вздохнула, отложила альбом в сторону и стала снимать программу группы поддержки на телефон.

Отэм была капитаном чирлидеров, а еще моей лучшей подругой. Мы были знакомы с начальной школы и всегда недолюбливали друг друга. Она казалась мне слишком заносчивой и много командовала, Отэм же обо мне отзывалась, как о высокомерной выскочке. В седьмом классе учительница распределила нас в одну группу для выполнения проекта. Мы стали проводить много времени вместе и тогда я поняла, что Отэм хорошая девчонка. Совсем не заносчивая, однако, все же любила командовать.

Мой взгляд прошелся по красно-белой форме ребят выполняющих невероятные акробатические элементы. В центр вышла Челси и начала под энергичную музыку делать свое «соло», как она его называла.

Челси тоже была чирлидером. Вот только если Отэм участвовала в этом только из собственного желания и искренней любви к чирлидингу, то Челси приходилось заниматься в группе поддержки только ради будущей стипендии в колледже. Чирлидингом она не горела, но номера отработывала на все сто процентов.

Я досняла программу группы и отложила телефон в сторону, снова принимаясь за эскиз, но снова отвлеклась, когда услышала голоса Челси и Отэм. Они о чем-то спорили.

Две совершенно разные девушки и обе были моими подругами. Совместить их в одну компанию было крайне тяжело. Челси долго не могла принять Отэм. Одно время она даже перестала разговаривать со мной и поставила ультиматум: либо она либо Отэм. Но я слишком рано столкнулась с манипуляциями в своей жизни, ведь мой отец был просто кролем манипуляций, поэтому такие приемчики на меня не действовали. У меня был иммунитет. И когда Челси это поняла, извинилась и приняла Отэм. Прошло столько лет, но Челси до сих пор иногда находила проблемы на пустом месте и начинала ругаться с Отэм.

У Челси часто случались моменты, которые ни я, ни Отэм понять не могли. Она могла сорваться на нас из-за пустяка, обидеться и перестать разговаривать, а через два дня вести себя, как ни в чем не бывало. Однажды после очередной ссоры Отэм сказала мне, что Челси завидует нам, однако видимых признаков этого я не замечала. Да и чему было завидовать конкретно мне? У меня был деспотичный отец, и не было мамы. Не думаю, что это повод для зависти. Если завидовать, то только Отэм, ведь у нее была полная семья, и оба родителя любили ее, считались с ее желаниями и мечтами. При этом семья Отэм была очень почитаема в городе. Ее отец был членом Законодательного собрания штата Юта от Республиканской партии, а мама адвокатом по уголовным делам.

– Рассуди нас, стоит делать пирамиду в конце? – присаживаясь рядом во время минутного перерыва, спросила Челси. По другую сторону от меня опустилась Отэм, ее русые волосы, собранные в хвост на макушке, развевались на ветру, обдавая меня шлейфом духов с нотками груши и клюквы. Подруга беспардонно заглянула в мой альбом, где был эскиз платья.

– Ты решила спросить это у человека, который совсем ничего не понимает в чирлидинге, – заметила я.

– Пирамида – это традиции, – вмешалась Отэм.

– Многие традиции не помешало бы сменить, – фыркнула Челси.

– Пирамида останется!

– И почему же?

– Потому что я капитан.

Я усмехнулась, наблюдая за их перепалкой, и продолжила рисовать. В этом вопросе я не собиралась занимать ничью сторону, потому что, во-первых, они обе были моими подругами, а во-вторых, я ни черта не понимала в чирлидинге. Я не видела в этом спорте прелести, в отличие от Отэм, но и заниматься им, как Челси, ради стипендии мне не нужно было, ведь отец оплатит любой университет, в который меня примут, единственное, что выбор специальностей был крайне ограничен.

– Кое-кто уже пять минут наблюдает за тобой вместо того, чтобы тренироваться, – карикатурно-сексуальным голосом протянула Челси. Я медленно подняла взгляд и заметила на поле Кая Данкрафта – квотербека футбольной команды школы. Их тренировка подходила к концу, поэтому он был без шлема. Его черные влажные волосы торчали во все стороны, на губах была маленькая улыбка, пока он смотрел на нас. Внешне он был милым, симпатичным и смазливый, однако характер у Данкрафта был отвратительный, а его грязные поступки говорили сами за себя.

– Он постоянно так смотрит, будто хочет меня съесть, – фыркнула я. – И даже то, что я в отношениях с Мейсоном его не волнует.

– Футболисты, – фыркнула Отэм. – Самодовольные придурки.

– Эй! Я попросила бы! – Челси послала воздушный поцелуй другому футболисту – своему Билли. – Не все они придурки.

– Нет, все! И твой Билли не исключение, – смело заявила я.

Челси показательно сжала губы и отвела взгляд. Она не любила когда люди говорили ей правду, я же наоборот предпочитала выкладывать все карты на стол. Ложь разрушает наш мир.

– Значит, хотите сказать, что бейсболисты лучше футболистов? – провокационный взгляд Челси остановился на моем лице.

Отэм рассмеялась, будто бы Челси спросила о чем-то, что было известно даже маленьким детям.

– Именно так. Бейсболисты не такие заносчивые, все еще сексуальные и не лишены мозгов. – Я кивнула, соглашаясь с Отэм, Мейсон действительно был парнем мечты, но я не стала бы обобщать. Парень Отэм, который тоже состоял в команде по бейсболу, был полной противоположностью Мейсона.

– Особенно твой Леви. Ты же в курсе, что он купил эссе у Райта Хендриксона?

– Это вранье! Леви достаточно умный, чтобы написать эссе самостоятельно.

– Но недостаточно хорош, чтобы ловить мячи.

– А твой Билли лучше? На прошлой игре его завалил парень сантиметров на двадцать ниже его!

Я не слушала больше девочек, поглядывая на Кая. Мне совсем не нравилась его улыбка, предчувствие чего-то нехорошего возникало в моей груди каждый раз, стоило мне заметить ее.

Глава 10

Барбара

Я критично оглядывала манекен, на котором были трусики и бюстгальтер, склеенные из крафтовой бумаги. Задание на ближайшую неделю было относительно простым – сделать из кружевной ткани комплект белья.

Занятия по дизайну одежды проходили два раза в неделю в главном корпусе Университета Юты в центре города. Они обходились в целое состояние, но отец исправно пополнял мой счет, а переводом занималась я сама. Правда, он думал, что я оплачиваю и посещаю бизнес-курс, который понадобятся мне для поступления в университет, но я немного схитрила.

– Барбара, так никто не делает, ты должна снимать мерки, – сказала миссис Коттон – преподаватель курса, в ее говоре ярко выделялся британский акцент.

– Я сниму, но пока я просто пытаюсь понять, как должно выглядеть белье.

Она медленно подошла ко мне. Юбка ее хлопкового платья была очень пышной и пружинила от каждого шага. Преподавательница выглядела прямо как Коко Шанель, только была англичанкой, а не француженкой.

– Смотри, чтобы не получилось так, как с рубашкой, – шепнула она, вскидывая свои тонкие брови. Это не было насмешкой, обычно, когда миссис Коттон что-то говорила, она не закладывала в слова двойного смысла. Но девочки с курса услышали ее фразу по-своему и стали хихикать, поглядывая на меня.

Я гордо вскинула подбородок и принялась за работу, не обращая внимания на смешки. Если все время заикливаться на том, что подумают другие, можно пропустить жизнь.

– Юта не сделает этого... – уныло протянула Отэм, взволнованно прижимая руки к губам. Голубые глаза подружки увлеченно следили за полем, где бейсбольная команда нашего штата играла с Калифорнийцами.

Из-за слов Отэм в самом центре моей груди плескалось два чувства: волнение и гнев. И если с первым я могла справиться, то второе сжигало меня изнутри, а подружка вдобавок поднесла к этому всполоху канистру бензина. Ведь произнести эти слова она додумалась тогда, когда бита была в руках моего Мейсона, а сам он стоял в «доме»¹⁸, готовясь нападать на другую команду, а если простыми словами, отбить мяч и заработать очко для команды.

– Они точно не сделают этого, если ты будешь болтать, – фыркнула Челси, которая расположилась по другую сторону от меня.

Яркие красные неоновые цифры на табло показывали равное количество ранов¹⁹. Это был девятый иннинг²⁰ и если Мейсон не отобьет мяч, то судья назначит еще один, а значит, у Калифорнии будет шанс обойти нас.

Матч двух штатов город ждал давно. Поэтому сегодня городской стадион Смита был заполнен под завязку.

– Давай, давай, – шептала я, сверкающими глазами наблюдая за Мейсоном, готовившимся отбить мяч. И даже в такой волнительный момент я не могла не отметить то, как потря-

¹⁸ Дом – в бейсболе зона, где располагается бэттер (нападающий) с битой в руках, позади бэттера в доме располагается кэтчер – игрок команды противника, который ловит мяч, если бэттер не может его отбить.

¹⁹ Ран (с англ. run) – в бейсболе очками являются не отбитые или пойманные мячи, а раны. Игрок нападения должен пробежать три базы и забежать в дом.

²⁰ Иннинг – период бейсбольного матча, во время которого команды по разу играют в защите и нападении.

сающе он выглядел. На нем была форма команды – белые брюки, которые к концу игры были испачканы землей и сине-белая рубашка с названием штата и номером двадцать девять на его груди.

Большими руками в кожаных перчатках он сжимал биту, все его тело было напряжено, а взгляд сосредоточен, и, признаться честно, ничего более завораживающего я не видела в своей жизни.

Женская половина трибун думала также. Все они смотрели на него, на лучшего аутфилдера нашей команды, выдающегося молодого игрока Юты и пускали слюнки. Но он был моим, был влюблен в меня, а не во всех этих фанаток. И я солгала бы, если б сказала, что совсем не чувствую гордости, что смогла подцепить такого парня.

Питчер²¹ Калифорнии сделал последний замах, пафосно задирая ногу выше, чем девочки из команды болельщиц и бросил мяч.

Трибуны замерли. Секунды растянулись, становясь невыносимо долгими, пока каждый на поле и на трибуне следил за траекторией одного мяча. Даже с такого расстояния я хорошо видела, как Мейсон сжал биту руками, казалось, даже слышала легкий скрип кожаных перчаток, и то, как он сделал вдох. В его глазах промелькнуло уже знакомое мне сияние, которое означало, что он точно возьмет этот мяч. Мейсон замахнулся и отбил, отправляя мяч в полет. В следующее мгновение он бросил биту и, улыбаясь во весь рот, медленно побежал.

Почему он медлит?

Отэм и Челси, а также все окружающие меня болельщики вскочили со своих мест. Челси потянула меня за руку, а когда я встала, набросилась на меня и начала обнимать.

– Хоумран! – завопила подруга. Я мягко оттолкнула ее и взглянула на мяч, который вылетел за пределы игровой зоны и приземлился прямо в большую перчатку болельщика.

Я запрыгала на месте от радости, попутно обнимая подруг. Толпа вокруг нас ликовала. Мейсон добежал до «дома», ребята из команды накинулись на него, принимаясь обнимать и поздравлять с великолепный ударом. Из-за радостных воплей и криков не было слышно голоса комментатора из динамиков, но все и так было ясно. Юта на один шаг ближе к первому месту, а Калифорния заканчивает свое состязание в чемпионате.

Прикрыв глаза, я наслаждалась энергичными мотивами клубной музыки. Танцпол был заполнен сотнями веселящихся молодых людей. В зале пахло сигаретным дымом и комбинацией из разных женских парфюмов. Даже в туфлях на тринадцатисантиметровых шпильках я чувствовала, как вибрирует пол подо мной.

Клуб, где мы остановились, находился в Ривертоне. Сегодня здесь было открытие, именно поэтому зал был заполнен посетителями.

– Знаете, они еще пожалеют, что решили кинуть вас, – прокричала Челси, стараясь быть громче музыки.

– Они не кидали нас. Просто вечеринка только для команды, – ответила Отэм.

– Утешай себя, – усмехнулась Челси.

Как бы мне не хотелось занять сторону Отэм, я была согласна с Челси.

После игры Мейсон сообщил мне, что команда хочет отметить важную победу. И где это могут сделать лучшие бейсболисты-старшеклассники штата, как не в загородном мужском клубе, принадлежащем отцу Леви Джексона – кэтчера²² команды и по совместительству парня

²¹ Питчер – в бейсболе это игрок, который бросает мяч с питчерской горки к «дому», где его ловит кэтчер и пытается отбить бэттер.

²² Кэтчер – позиция в бейсболе, игрок, который находится за домом и спиной бэттера, но перед судьей, и принимает мяч, поданный питчером.

нашей Отэм. Вечеринка была закрытой, только для команды, только для парней, поэтому я и Отэм остались за бортом.

Я не сильно расстроилась, ведь меньше всего мне хотелось находиться в обществе придурков, а многие игроки из бейсбольной команды штата были именно придурками. Бейсбол в этой стране любили, и парни, которые были уверены, что попадут в команду первого дивизиона университетского бейсбола, не стеснялись распускать свои павлиньи хвосты. Мейсон не был таким, а вот Леви Джексон, в которого Отэм угораздило влюбиться, был ярким представителем семейства фазановых.

– Наверняка они уже кувыркаются с целым взводом девочек по вызову, – поднося к губам коктейль из водки и клюквенного сока, ядовито выдала Челси.

Отэм уныло застонала, прикрывая лицо руками.

– Хватит, Челси, – резко сказала я. – Зачем ты это делаешь?

– Я делаю? Разве нормально то, что они не взяли вас с собой?

Отэм вскинула голову, возвращая взгляд на Челси.

– Да, это нормально, потому что вечеринка «только для команды» означает, что там будет исключительно команда, это ведь даже не наши школьные бейсболисты, – сказала я.

– Тебе будто все равно, – фыркнула Челси, откидывая темные пряди за спину. В свете неоновых «бегающих» по залу лучей ее бежевое обтягивающее платье казалось совсем прозрачным.

Отчасти она была права, я не ревновала Мейсона так, как Отэм ревновала Леви. Но всему виной была не безграничная вера в Мейсона, а моя уверенность в себе. Мейсон влюблен в меня настолько, что никогда не станет участвовать в чем-то, что могло хоть немного расстроить меня.

– Мне не все равно, но можешь ты просто перестать додумывать? Отэм и без этого беспокоится, – сказала я.

– Плевать, – фыркнула Челси. – Я танцевать, вы со мной? – Отэм отрицательно дернула головой. Я тоже отказалась, и Челси ушла танцевать одна.

– Она права, парни могут сейчас развлекаться с девочками, – как только Челси скрылась из виду, уныло протянула Отэм.

– Просто перестань думать об этом.

– Мне кажется, он изменяет мне.

– Леви? – мои брови в удивлении сошлись на переносице. – Не думаю.

– Это точно, я чувствую это. Может, я недостаточно хороша для него?

Я бегло прошлась взглядом по стройной фигуре Отэм, изумрудного цвета платью и роскошным волосам. Моя подруга была эталонной красавицей, нежная, но при этом холодная красота. Кожа Отэм была светлой, без единой родинки или веснушки, завершали эту картину голубые глаза холодного оттенка с зелеными крапинками в них.

Леви многие считали привлекательным, он был высоким, спортивным и с крепкими ногами, всегда модно одет и ухожен, но все портило по-детски смазливое личико, и полная недоразвитость механизма «сначала думай, затем делай».

В отличие от Отэм, которая с утра до ночи занималась, чтобы попасть в лучшую юридическую школу штата, Леви просто был Леви. Играл в бейсбол и во всем надеялся на папочку.

– У нее были съедобные трусики и задница как у бразильянки, – слышался звонкий мужской голос, и по тому, как этот голос тянул гласные, стало понятно, что его обладатель уже изрядно пьян.

Кстати об обществе придурков. Челси почему-то решила, что втроем нам будет очень скучно, поэтому позвала с нами своего парня футболиста – Билли, его дружок – Купера и Кая.

– Барбара, как поживаешь сестренка? – Рядом со мной расположился Кай Данкрафт – любитель съедобных трусиков и поп как у бразильянок. Не церемонясь, он расположил руку

на спинке дивана позади меня и прислонился к моему боку своим телом. Карие глаза замерли на моем лице, а с его тонких губ не сходила довольная улыбка, от него пахло алкоголем и женскими духами, а значит, он успел с кем-то перепихнуться в туалете. От этой мысли меня затошнило, и я отодвинулась от него.

– Я тебе не сестренка, и еще раз коснешься меня, не сможешь играть в футбол минимум неделю.

Данкрафт рассмеялся, запуская по всему моему телу неприятные мурашки. Он не принял мои слова во внимание, либо был тупым, либо из-за громкой музыки просто не услышал, вместо этого приблизился к моему уху и прошептал:

– Ты всегда нравилась мне, принцесса.

– А ты мне всегда нет.

Кай плотоядно ухмыльнулся, словно я только что пригласила его в игру «залезем в трусики к Барбаре». Билли и Купер с ехидными улыбочками наблюдали за нами, заставляя меня злиться еще сильнее. Подобные нападки не пугали меня. Я росла рядом с человеком, который одними насмешками не отделялся. Фостер любил переходить к действиям, проехаться передо мной на велосипеде по луже так, что вся грязь и вода оказывались на мне, или бросить снежок мне в лицо было чем-то вроде утреннего ритуала для него.

Почему все мои мысли, так или иначе, возвращались к Фостеру?

Кай стал проявлять ко мне внимание с пятого класса. Но для меня его внимание было в точности как персиковая косточка в горле. Если бы только Кай был нормальным парнем, мы могли бы подружиться. Но дружба между нами была невозможна, и дело было не во мне. Он изначально выбрал неправильные методы привлечения к себе внимания. Вместо того чтобы как Мейсон носить мою сумку и сопровождать меня в столовую, Кай хватал меня за волосы, а когда мы стали старше, мог сделать мне непристойное предложение.

Вообще все дети Данкрафтов отличались совершенно неконтролируемым поведением. У Кая был старший брат Колби, так вот Колби был еще более тронутым, чем его младший братишка. И это не удивительно, ведь Колби и Джеффри учились в одном классе, и долгое время были друзьями, пока однажды не подрались. Ну как подрались, Джеффри избил Колби. Парню шесть швов на бровь наложили.

– Да брось ломаться. Я могу устроить тебе потрясающий вечер.

Схватив его за край футболки, я прошипела:

– Ты устроишь мне потрясающий вечер, если отвалишь от меня, Данкрафт!

Кай сузил глаза, идиотская улыбка, наконец, испарилась с его губ, он медленно взглянул на мою руку и зажатую в ней ткань его футболки. В его глазах промелькнуло нечто опасное, что заставило меня на секунды подрастерять свой боевой настрой, однако внешне я никак не показала этого.

– Хорош, друг, – сказал Билли, опуская тяжелую руку на плечо Данкрафта. Кай прожигал мое лицо взглядом еще несколько секунд, прежде чем переключиться на свое пиво и отодвинуться от меня.

– Я говорила, что втроем нам будет лучше, – фыркнула Отэм, прежде чем спрятаться за стаканом с коктейлем.

– Барбара, Отэм! – закричала Челси, пробираясь к нашему столику сквозь толпу танцующих. – Вы просто обязаны это видеть.

Подруга передала мне свой телефон. Отэм оттеснила Кая и села рядом со мной. Но и остальные присутствующие подтянулись, чтобы взглянуть на то, отчего Челси так взбудоражилась. На экране было видео – вечеринка бейсболистов, которая прямо в этот момент проходила в загородном клубе отца Леви. Парни кричали и смеялись, а на небольшой сцене в центре комнаты у шеста танцевали две стриптизерши. Все, как и говорила Челси.

Глава 11

Барбара

Я слотнула, покрепче хватая телефон, ведь тот чуть не выпал из моей руки. Видео было выложено с аккаунта одного из кэтчеров команды. Это явно было не празднование победы, это вечеринка для избранных с алкоголем, стриптизом и всеми вытекающими.

Танцующие у шеста девушки были практически обнаженными, камера сдвинулась в сторону и показала другую часть комнаты, где было еще три танцующие девушки.

Мейсона на видео я не заметила, однако это не избавило меня от странного сжимающего грудь давления.

Я думала мне все равно, но оказалось, мои чувства были задеты куда больше, чем я предполагала. Ревность это или нечто другое понять было тяжело, но я могла сказать точно, что после увиденного чертовски разозлилась.

Отэм рядом со мной всхлипнула, ведь в следующем кадре показался Леви, запикивающий в трусы стриптизерше сложенную пополам купюру. Он провел пальцем по бедру сексуальной мулатки в серебристом костюме, состоящем из корсета и маленьких трусиков.

Видео почти кончилось, и в самый последний момент я услышала смех Мейсона. А потом увидела кадр, где он падает в кресло, и к нему подходит одна из танцовщиц. Видео оборвалось.

Что осталось за кадром?

Боже... В моей голове было столько мыслей, одна ужаснее другой.

Я отдала телефон Челси обратно. Меня бросило в жар. Платье-мини на мне, казалось шерстяным пальто. Пришлось даже обмахнуться рукой, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения.

Слева от себя я услышала очередной всхлип Отэм. Ее лицо покраснело, а по щекам текли слезы. И почему-то это разозлило меня еще сильнее.

Что она оплакивает? То, что Леви настоящая скотина?

– Я говорила вам, – самодовольно пожала плечами Челси. Ее я-все-знала лицо меня совсем не успокаивало.

– Дерьмо, вот это настоящая вечеринка! Где сейчас отдыхают бейсболисты? – спросил Билли.

Челси возмущенно сдвинула брови к переносице и одарила своего парня убийственным взглядом.

– И зачем ты спрашиваешь?

Билли развел руки в стороны и неестественно рассмеялся.

– Да я же шучу, конфетка.

– Я бы с таким не шутил, так где развлекаются бейсболисты? – поигрывая бровями, спросил Купер.

Отэм снова всхлипнула, и я почувствовала, как чаша моего терпения вот-вот переполнится. Я искренне недоумевала, почему она испытывает печаль, а не обиду и злость как я. Челси окинула подругу сочувствующим взглядом и потянула ее к себе, начиная что-то приговаривать в попытке успокоить ее.

– Значит, ты теперь свободна, – медленно, растягивая гласные, проговорил Кай

Я даже не взглянула в его сторону, обмахивая себя руками. Кай, по всей видимости, решил помочь, потому что в следующее мгновение он тоже стал обмахивать меня руками.

– Может отвести тебя туда, где ты сможешь скинуть с себя это платье? – коснувшись кончиком носа моей щеки, спросил Данкрафт. Рука его бесцеремонно накрыла мое бедро и сжала. Я обернулась к нему всем телом, представляя, как будет смотреться красный отпечаток моей руки на его светлой коже. Но вдруг мне в голову пришла просто потрясающая идея.

– А знаешь, давай, – улыбнулась я.

Глаза Кая загорелись в предвкушении. Он думал, что рыбка у него на крючке, однако не учел, что удочку держала я.

– Барбара? – Челси непонимающе вскинула брови, подслушав наш разговор.

– А что? – с напускным недоумением спросила я. – Мейсону можно тусоваться на вечеринке со стриптизершами, а мне нет? – И ведь я всегда говорила, что Мейсон не такой. Напитаться на вечеринке и утыкаться лицом в грудь стриптизерш это в духе другого Фостера.

Осмелев, Кай сжал рукой мою задницу и потянулся к моим губам. Но я легко оттолкнула его.

– Не так быстро. Ты обещал отвести меня в укромное местечко, – невинно захлопав глазами, протянула я.

– Да. Наверху есть приватные комнаты.

– Подходит, возьми нам одну. Найдешь меня на танцполе, – сказала я и, подхватив под руки успокаивающуюся Отэм и хмурюю Челси, направилась в середину зала.

– Я не хочу танцевать, – сопротивлялась Отэм, вытирая щеки.

Я уже говорила, что Отэм очень педантична и старательна? Ее макияж не сильно пострадал, ведь даже слезы она лила с особой аккуратностью.

– Тебе это нужно. Пошли эти бейсболисты в задницу, – фыркнула я.

– Ты действительно собираешь пойти в приватную комнату с Каем? Я, конечно, ничего не имею против, твой выбор и все дела, но... с Каем? Барбара, он полчаса назад трахнул какую-то девку в туалете.

– Скажи, я похожа на медузу без мозгов? – изумилась я.

– Нет...

– Тогда почему ты думаешь, что я стану спать с Каем?

– Зачем тогда приватная комната?

– Узнаешь, – загадочно улыбнулась я.

Музыка сменилась. Заиграла песня *Crying in the Club* – Камилы Кабелло. Я чувствовала вибрацию басов музыки, путешествующую по всему моему телу, вызывающую непередаваемое чувство расслабленности и блаженства, и медленно начала покачиваться под ритм, позволяя моему телу самому выбрать нужные движения.

С лица Отэм, наконец, пропало это страдальчески-печальное выражение лица. Она прикрыла глаза и начала двигаться. К Челси подошел Билли и закружил ее в своем танце для парочек.

Алкоголь играл в моих венах, наполняя мою грудь желанием танцевать, отдавшись мгновению и раствориться в волнах музыки. Я была пьяна, чего я обычно не позволяю себе, ведь отец не одобрил бы.

Несмотря на неприятнейшую ситуацию с Мейсоном и бейсбольной командой, я не собиралась позволять этому влиять на меня. Я разберусь со своим парнем завтра, а сегодня вечер будет моим. Я могла, наконец, признаться самой себе, что устала от постоянных книг по экономике, менеджменту и маркетингу, устала изучать основы управления и принципы функционирования крупной компании. Отец сильно наседали, желая вылепить из меня хорошего управляющего. Но в очередной раз, когда я закрывала глаза и думала об этом, меня накрывало отчаянием и безысходностью. А еще была школа, и мои собственные хобби, на которые у меня оставалось все меньше и меньше времени, Мейсон и, как ни странно, Фостер. Я знала, что в ближайшее время не встречу с ним, но мои мысли все равно продолжали возвращаться к нему.

И сейчас, прикрыв глаза, двигая бедрами в ритм музыки, я невольно вспомнила их смертоносный танец с Рейджи и не могла понять, почему эта сцена вызывала во мне такое восхищение. Может дело было в животном нутре, вырвавшемся из него, когда он пытался подсту-

питься к неуправляемому коню, в его разгоряченной и грязной от песка коже... А может всему виной сильное тело Фостера, с перекачивающимися под кожей титановыми мышцами? Или все дело в том, что только он был настолько безрассудным, бесстрашным и самоуверенным, что решил укротить коня, который калечил каждого, кто приближался к нему?

Я прикусила губу и коснулась рукой своего живота, легко сжала шелковую бордовую ткань платья, пытаюсь угмонить разгорающийся пожар, плавающий мои внутренности.

Неужели моя ненависть к Джеффри Фостеру настолько сильна, что при мыслях о нем, меня охватывает пламя? Или дело тут вовсе не в ненависти?

Я распахнула глаза и лениво, даже нехотя, огляделась. Никаких неоновых разноцветных лучей больше не было, только яркие круги как от диско-шара. В толпе я заметила мужчину, чьи глаза были направлены прямо на меня. Когда я пригляделась получше, почувствовала, как душа покидает мое тело, прямо как в мультиках.

Фостер. И не тот, что являлся моим парнем, а тот, который был моим персональным кошмаром.

– Одиннадцатый номер на следующие полчаса наш. – Передо мной возник Кай, Он протянул мне ключ-карту с номером нашей комнаты. Такая же карта была у него.

Надо же, а я уже и забыла о нем.

Я мягко схватила его руками за воротник футболки и притянула к себе, высунула кончик языка и прошлась им по своей нижней губе. Кай замер, наблюдая за моими губами, а через секунду потянулся, чтобы поцеловать меня, но я отклонила голову назад.

– Иди в комнату, – взглянув на него исподлобья, начала я, – мы сделаем это по-быстрому. Но предупреждаю, у меня есть некоторые правила.

Кай напряженно сглотнул, его кадык дернулся. Мой взгляд опустился вниз, замечая увеличивающуюся в размере ширинку его джинсов. И от такой реакции его тела меня охватило отвращение.

– Какие правила?

– Когда я приду, ты должен быть полностью голый.

– Не проблема, – расплылся он в пьяной улыбке.

– Еще хочу, чтобы ты надел на голову ту штуку, ну знаешь, когда только твои губы остаются открытыми, а глаза закрыты.

В глазах Кая на секунду промелькнули недоумение и протест, и я поспешила добавить:

– Только для того, чтобы ощущения были ярче.

Кажется я давно ступила на порог его личных границ, более того успела потоптаться там, но Кай был похотливым кабелем, поэтому готов был пожертвовать парочкой сантиметров своих границ, только бы заняться со мной сексом. Неужели он так сильно хотел этого?

– Понял, раздеться, надеть шапку.

– И я хочу, чтобы ты набросился на меня, страстно повалил на кровать...

– Сделаю, – с лицом кота налакавшегося молока протянул он.

– Приду через десять минут, – погладив крепкое плечо Кая, заверила я. – О, и еще выключи свет. Уверяю, эту ночь ты не забудешь никогда.

Сверкнув напоследок белозубой улыбкой, Данкрафт поспешил в номер. Я отошла к бару, и огляделась по сторонам. Мне нужно было найти для Кая подходящую спутницу, которая оставила бы свой след в его памяти и надолго отбила бы у него желание снимать девочек в клубах.

С кандидаткой я определилась сразу, а вернее с кандидатом. Выбор пал на крупного парня, который приставал к симпатичной девушке бармену за стойкой. Еще один кретин не знающий слова «нет».

Я медленно подошла к нему и погладила по сильному плечу, обтянутому черной футболкой. Парень обернулся и окинул меня оценивающим взглядом. Судя по блеску в его глазах, он был в восторге.

– Привет, красавица, мы виделись с тобой раньше? Твое лицо мне очень знакомо.

– Сомневаюсь. – Его почти черные волосы были аккуратно уложены, темные сине-серые глаза неспешно заскользили по моему лицу. Над его бровью был небольшой шрам. Думаю, если бы я видела его раньше, то определенно запомнила бы, ведь парень бы прототипом принца Эрика из «Русалочки».

– Ты одна здесь? – спросил он.

– С друзьями.

– Сколько лет?

– Двадцать один, – ответила я. Это не считается ложью, если в моем фальшивом удостоверении, благодаря которому я и попала в клуб так написано.

На его лице отразилось одобрение. Уголок губ парня дернулся, опалая меня теплом.

Симпатичный, пожалуй.

– Я Дин, – представился он.

– Беатрис. – И снова это не ложь, ведь согласно моему удостоверению я была Беатрис Бейкер.

– Не желаешь потанцевать со мной, Беатрис? – спросил он, располагая руку на моей талии. Я медленно опустила взгляд на его длинные пальцы, поглаживающие шелковую ткань моего платья, а затем заглянула в его глаза, замирая от уверенного и бескомпромиссного взгляда.

Ладно, он был не просто симпатичным. Парень чертов Мистер Вселенная.

Пока я разглядывала его лицо, напоминая себе, что охотник в этот вечер я, чувствовала странное покалывание в затылке, которое полностью подрывало мою веру в свои силы. И дело было вовсе не в Дине. Волоски на задней поверхности моей шеи встали дыбом. Я обернулась, ведь настойчивое ощущение того, что за мной наблюдают, жаром пробирало до самых костей.

– Эй, о чем задумалась, куколка? – спросил он, быстро убивая все очарование в себе, одним неверно брошенным словом.

Я не чертова куколка!

– Я не очень люблю танцы, – дернув плечиком, сказала я. Затем томно взглянула на него из-под полуопущенных ресниц и смело накрыла рукой его грудь. Твердые мышцы напряглись под моей ладонью. Другой рукой я убрала его пальцы со своей талии и вложила в них ключ карту от номера.

Куколка еще покажет ему!

Рукой я медленно поднялась по рельефу его тела к самому подбородку, затем накрыла заднюю поверхность шеи ладонью и резко дернула голову Дина на себя. Парень согнулся, вскидывая брови от удивления, но карточку не выронил.

– Жду тебя в номере через пять минут, – шепнула я ему на ухо. А затем отстранилась и, не оборачиваясь, ушла.

Пора сваливать, куколка рискует остаться без головы.

Глава 12

Барбара

Ангелок на моем правом плече ругал меня, обвиняя в отвратительном поступке. Что будет, когда два парня пойму, что я их надула?

Но дьяволенок на другом моем плече хвалил меня, говоря, что я поступила правильно. Кай давно напрашивался. Достаточно вспомнить скольким девочкам в нашей школе он подпортил жизнь. Он был мудаком, и ему нравилось быть таким. Он любил очаровывать сразу нескольких девушек, влюблять их в себя, а после наблюдать, как у каждой из них ломается вера в первую любовь и парней. Он хвастался своими успехами перед командой. Это было отвратительно.

Я слегка расчесала пальцами волосы, приводя их в порядок, и вышла из уборной клуба.

Стоило двери за мной закрыться, как я столкнулась с чьей-то твердой грудью. Хотела сказать что-нибудь в смотри-куда-прешь стиле, но не успела этого сделать, потому что меня с силой схватили за плечи и толкнули в сторону. Моя спина столкнулась со стеной. Столь сильный удар выбил весь воздух из моих легких. Лопатки саднило, а от резкого толчка разболелась шея.

– Решила поиграть, сука? – Я вскинула голову и обомлела, замечая перед собой Кая. Поправочка: очень взбешенного Кая. Его ноздри раздувались от ярости, челюсти были стиснуты, а покрасневшие глаза рисковали проделать в моей голове дыру.

Я ожидала, что мне придется мириться с рассерженным Каем, однако не думала, что подобное настолько разозлит его. Огромные руки квотербека снова сжали мои плечи до хруста в костях. Я скривилась от боли, прикусила язык, чтобы не вскрикнуть, страх сковал меня, лишая способности говорить.

Правый глаз Кая опух и посинел. Должно быть, когда Дин пришел в ту комнату, между ними случилась драка и сейчас Кай захочет отомстить мне. Он ведь может одним ударом вызвать у меня сотрясение мозга, да что там сотрясение, Кай был таким сильным, что мог даже убить меня.

В панике я оглядывалась по сторонам, но коридор, куда он вытолкнул меня, был пуст, свет приглушен настолько, что я едва различала локацию позади него. А музыка играла так громко, что мой крик останется неслышанным.

– Отпусти, – придав своему голосу как можно больше уверенности, сказала я.

Он рассмеялся, оскаливаясь, словно дикое животное. Я поморщилась, когда меня обдало его алкогольным дыханием. Потные руки стали спускаться ниже, оставляя грубые красные следы на моей коже.

– Даже и не подумая. Решила надуть меня? Я клоун по-твоему?

Я хотела ответить «да» и наградить его за сообразительность пищащим красным носом, но решила не делать этого ради своей же безопасности. Данкрафт и так был, мягко говоря, нестабильной личностью, а в алкогольном опьянении и вовсе не контролировал себя.

Он навалился на меня, зажал обе мои руки своим телом, и с силой обхватил мое лицо, надавливая на щеки. Я не могла сделать и вдоха, он был очень тяжелым и плотно прижимал меня к стене. Я замерла, когда его рука вдруг опустилась на мое бедро и стала медленно подниматься выше.

– Саймон клялся, что ты отсосала ему под трибунами. Рикки, что вы переспали на вечеринке в прошлом году. А Джиму ты дала прямо в машине, – заговорил он в мои губы.

Все, кого он перечислял, состояли в футбольной команде школы. И со всеми я хотя бы раз была на свидании. С Рикки мы даже в течение трех месяцев были парой, но все, что говорил Кай, было ложью. Я целовалась с Саймоном и Рикки, с Джимом не стала, ведь в тот вечер

он наелся чесночного соуса, а я не была фанаткой плохого дыхания. Каждый из них был зол, когда получил отказ. Я знала, что они треплют всей школе обо мне. Типичный момент парней, назвать девушку шлюхой, если она отказала в близости.

– Знаешь, что еще говорят о тебе? Что ты любишь сводить парней с ума. Принцесса радуется, когда ее начинают умолять, а потом ты просто позволяешь воспользоваться твоей киской. Но у меня совсем нет времени ждать, Барбара. Сократим программу, – прошептал Кай. Его рука коснулась внутренней поверхности моего бедра. Я испугано пискнула, не сводя взгляда с его мерзкого лица, сжала бедра и стала вырываться, но ублюдок был сильнее меня. – Да не дергайся ты. Тебе понравится, обещаю.

Он приблизился к моим губам и почти коснулся их. Я закричала, но мой крик потонул в громкой музыке, а Кай лишь усмехнулся.

– Нет!

Он провел носом вдоль моей шеи, словно самый настоящий психопат.

– Ты не представляешь, как давно я мечтал сделать это, – с наслаждением протянул он. – Ты очень хорошо пахнешь, Эванс.

Он собирался взять меня против моей воли. Кай что-то говорил, но я не слышала ничего кроме этого ужасного стука в ушах.

Я редко ходила в церковь, хотя отец настаивал, но я всегда верила в бога. И в этот самый момент я стала безмолвно кричать, чтобы мне помогли. Он стал тащить меня в темную сторону коридора, намертво зажав мои руки за моей спиной и прижимая меня к его телу. Когда я поймала сумасшедший взгляд Кая с расширенными зрачками, явно измененными не алкоголем, а чем-то серьезнее, поняла, что никакой бог мне не поможет.

Я вспоминала, что в таких ситуациях рекомендуют делать. Расслабиться и принять все как есть, если сопротивляться, будет только хуже.

– Отпусти, я предупреждаю тебя в последний раз, иначе... – трясущимся голосом затараторила я.

– Иначе что?

– Мейсон...

– Его здесь нет. Фостер тебе не поможет.

Боже, я точно не оправлюсь после такого.

Мои глаза наполнялись слезами, и я зажмурилась, но в следующее мгновение почувствовала, что Данкрафт больше не держит меня. Стало так легко. Я пошатнулась и припала спиной к стене, обхватывая себя руками.

Что произошло?

Открыв глаза, я увидела резкое приземление Кая и мелькнувший в темноте силуэт.

– Ты уверен? – донесся до меня угрожающий и такой знакомый мужской голос. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и не расплакаться от радости.

Это был Фостер. Старший Фостер. Значит, тогда в зале мне не показалось... Я увидела Джеффри. И я еще никогда не была так рада его появлению.

– Джеф, – испугано пролепетал Кай, улыбки на его лице больше не было. Фостер не стал слушать его и несколько раз ударил Кая по лицу.

Ужас сковал мою грудь, когда я заметила кровь, хлынувшую из носа Кая. Фостер нанес еще два удара, один в живот, а другой по ребрам. Данкрафт открывал рот, чтобы вдохнуть или закричать, но я не слышала ничего, кроме белого шума в ушах. Весь мир отошел на второй план.

В школе Джеффри часто устраивал драки. Разорванная футболка, ссадины на лице и синяки на ребрах – его личные аксессуары. Он ввязывался в потасовки с такой легкостью, с какой люди заказывают себе ужин к вечеру. Я никогда не видела эти драки своими глазами, узнавала о них от третьих лиц. Поэтому мне не доводилось видеть Фостера таким, каким он

предстал передо мной сейчас: полностью ослепленным яростью. Обычно он был равнодушен ко всему вокруг, мог усмехнуться или отвесить какую-нибудь обидную фразочку, но я никогда не видела его настолько взбешенным.

Фостер сжал футболку Кая в руках и приподнял того над полом. Он что-то заговорил ему на ухо, отчего на лице Данкрафта показалась гримаса ужаса. И в этот момент я проклинала громкую музыку, которая не позволяла мне услышать то, что говорил Каю Джеф.

Кровь текла из носа по губам и подбородку Данкрафта.

– Кажется, ты хотел что-то сказать, – донесся до меня стальной голос Джеффри.

Кай перевел на меня поверженный взгляд. Один его глаз был синим после встречи с Дином, второй посинел и опух от удара Джеффри.

– Прости, – прохрипел Кай. – Прости меня, Барбара.

Я втянула шею в плечи и несмело кивнула.

– Если увижу тебя рядом с ней еще раз, сломанным носом ты не отделаешься. – Джеффри с силой оттолкнул Кая, спина Данкрафта столкнулась с полом, и парень издал болезненный стон.

Фостер оттряхнул руки и обернулся ко мне, взглядом пригвоздив к полу. И этот взгляд пугал меня не меньше, чем то, что делал со мной Кай. Зеленые глаза светились яростью, опасностью и... беспокойством. Однако оно было скрыто так глубоко, что я засомневалась, а не показалось ли мне.

– Ты в порядке? – спросил он, позволяя себе окинуть меня с ног до головы внимательным взглядом. Что бы я ни ответила, Фостер кивнет и уйдет веселиться дальше, ну или что он делал в этом клубе.

– В полном порядке, – ответила я, краем глаза наблюдая за Каем, который отполз к стене и сел, привалившись к ней спиной. При воспоминании о потных пальцах Данкрафта на моих бедрах, к горлу подкатил комок тошноты, а руки затряслись.

Джеффри сделал шаг ко мне, и я отпрыгнула назад, вжимаясь в стену.

– Ты боишься меня? – хмуро спросил он.

Я покачала головой.

Боже, почему я веду себя как идиотка?

Джеффри взглянул на мои трясущиеся руки, а в следующее мгновение накрыл их своими ладонями и сжал. Я вздрогнула, но вовсе не от страха, а от странного чувства, прокатившегося по всем моему телу. Фостер никогда не касался меня. Я не знала, какими могут быть его прикосновения. Ожидала, что они будут жесткими, неприятными, болезненными, но ошиблась. Они были такими мягкими и осторожными, что это выбивало землю из-под моих ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.